

Отрочество 2

Василий Панфилов

Василий Сергеевич Панфилов

Отрочество 2

Серия «Россия, которую мы...», книга 4

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67284725

В. С. Панфилов. Отрочество 2:

Аннотация

Трансвааль, Трансвааль – страна моя... Герой, вынужденный уехать из Российской Империи, выбирает Африканскую "ссылку", отправившись в Преторию репортёром. Кто ж знал, что всё так закрутится... и что давящая на него тоска по Небу принесёт победу бурам!

Содержание

Пролог	5
Первая глава	10
Вторая глава	20
Третья глава	30
Четвёртая глава	39
Пятая глава	50
Шестая глава	61
Седьмая глава	73
Восьмая глава	84
Девятая глава	94
Десятая глава	109
Одиннадцатая глава	120
Двенадцатая глава	131
Конец ознакомительного фрагмента.	132

Василий Панфилов

Отрочество 2

Василий Сергеевич Панфилов

* * *

Пролог

– Здравствуйте, Сергей Алекс... – начал было Трепов, зайдя в кабинет, и тут взгляд Московского обер-полицмейстера прикипел к знакомой папке из красной кожи с золотым тиснением, – ... верой и правдой, Ваше Высочество... Императорское...

Он рванул ворот мундира, ставшего внезапно тесным, и залепетал в своё оправдание какие-то совершеннейшие нелепицы, пристойные разве что мелкому чиновнику, выслужившемуся из поповичей, и пойманному на взятке самым подлым образом. Полицмейстер и сам понимал неуместную отвратность своих слов, но не находил сил остановиться.

– Ваше... отслужу, Ваше Императорское Высочество! Верой и правдой всю жизнь, как отчичи с дедичами... бес попутал... лукавый...

Сергей Александрович неспешно курил тонкую пахитоску, наблюдая за былым любимцем и фаворитом взглядом энтомолога, узревшего интересного жучка. Взгляд этот, полный задумчивого интереса к будущему экспонату коллекции незадолго до уморения эфиром, был страшнее любого разноса.

«– Мене, текел, фарес¹» – дурным мотыльком билось в

¹ "Мене, мене, текел, упарсин" (מֵנֵה מֵנֵה תֵּקֵל וּפָרְסִין) – по-арамейски означает буквально «мина, мина, шекель и полмины» (меры веса), в церковнославянских

черепной коробке Московского обер-полицмейстера.

– ... верой и правдой, Ваше Императорское Высочество, – вытянулся Трепов, не обращая внимания на тягучую боль в груди, – не корысти ради...

Несколько минут спустя он вышел из кабинета на ватных, подгибающихся ногах, постаревший разом на десяток лет.

– Мне бы воды, голубчик – прошамкал Дмитрий Фёдорович обезвоженным ртом, просительно повернув голову к секретарю Великого Князя.

Секретарь, красивый молодой человек, затянутый в мундир от лучшего портного, сидящий на нём, как лайковая перчатка, ожёг полицмейстера брезгливым взглядом, и лишь скривил красивые полные губы, оторвавшись на миг от полировки безупречных ногтей. Еле уловимое движение подбородком в сторону графина...

... и Дмитрий Фёдорович, собрав остатки гордости и самоуважения, вышел из приёмной. Стараясь не глядеть ни на кого из опасения встретить ещё раз эту брезгливость, он сел в экипаж, погрузившись в нерадостные мысли.

«– Чортов мальчишка, – простонал он мысленно, – а так

текстах «мене, текел, фарес» – согласно библейскому преданию – слова, начертанные на стене таинственной рукой во время пира вавилонского царя Валтасара незадолго до падения Вавилона от рук Дария Мидийского. Перевод словесной формулы может звучать и так: «Исчислен, исчислен, взвешен, разделен». Их Даниил растолоковал следующим образом: Бог исчислил (осмыслил) значимость царства и положил ему конец, взвешен и найден очень легким (незначительным) и сам Валтасар.

ведь всё хорошо начиналось, так славно! Полномочия, фонды, доверие... не оправдал. А ещё – папочка, название которой несколько...

Трепов застонал сквозь зубы. Вот что? Что заставило его собственноручно (!) подписать её, как «Дело о повешенном Императоре»!?

Тонкий английский юмор, вот только у нас не Англия, а самодержавие! И нет бы после исправить начертанное, но положение фаворита Великого Князя казалось незыблемым. Этакая лёгкая фронда человека, которому дозволено больше прочих. Как это сейчас не к месту...»

В управлении Дмитрий Фёдорович заперся в кабинете, распахнул окно, и жадно вдохнув полной грудью холодный воздух, провалился в обтянутое тонкой кожей кресло, распластавшись выброшенной на берег Чёрного моря медузой. Боль в груди не проходила, а в голове снова и снова эти унижительные минуты. Жалкие попытки оправдания перед Великим Князем, брезгливый взгляд секретаря, этого надушенного лощёного юнца...

Обер-полицмейстер резко пресёк свои мысли, принявшие вовсе уж не верноподданническое направление. Он потёр виски в попытке прогнать начинающуюся мигрень и бесконечные сцены, где раз за разом... но попытка оказалась неудачной.

В открытое окно влетела поздняя осенняя муха, вяло

жужжа и бестолково тыкаясь в прозрачное стекло. Прекратив попытки, она направилась вглубь кабинета, хозяин которого следил за полётом насекомого с болезненным любопытством.

Встряхнув головой, отчего мигрень отозвалась басовитым ударом колокола, уверенно поселившись в костях черепа, Трепов нашарил в ящике стола кокаинницу, и втянул ноздрями щедрую понюшку. Сугубо для стимуляции мыслительного процесса!

Головная боль отпустила, отступила тревожность. Подумав, Дмитрий Фёдорович сделал ещё одну понюшку, и в голове стало совсем легко и кристально ясно.

Отдав несколько распоряжений, он сел в кресло, и...

– ... разрыв сердца, – констатировал медик, стараясь не коситься на открытую кокаинницу, – на почве переутомления.

Распоряжения, отданные обер-полицмейстером, пусть даже и ныне покойным, обязательны к исполнению. В меру своей компетентности и служебного рвения, чиновники Департамента МВД начали свою работу.

Одни – не раздумывая и не пытаясь ухватить мысленно самую суть задания, выполняя приказ с точностью до запятой. Другие – с инициативой, способной в период междувластия как вознести на самый верх, так и низринуть в пропасть. Третьи просто замерли, не торопясь исполнять приказ и при-

крывая бездеятельность бюрократией.

Винтики Государственной Карательной Машины начали свою работу, сдвинув с места надсадно чадающий механизм, слепо завертевшийся на месте. Бюрократический Молох за-топтался на месте, поводя невидящими глазами и трясясь в эпилептическом припадке из-за противоречивых действий отдельных винтиков.

Не понимая происходящего и остро чувствуя отсутствие Вожака в седле, Молох яростно ревел пастями распоряжений, постановлений, служебных инструкций и полномочий. Химера МВД не понимала, что происходит, но отчаянно пыталась быть полезной своим создателям.

Первая глава

Падаю в облака лицом вниз, раскинув руки крестом и не сдерживая восторженного длинного вопля. Несколько бесконечных, восхитительных секунд туманного безвременья, я пробиваю их, и передо мной – Земля во всём великолепии!

Облепленный каплями влаги, срывающейся вверх, я наслаждаюсь каждой секундой свободного падения и потрясающим видом. Наркотики? Алкоголь?? Секс?!

Небо! Иссиня-синее вечное небо, и я в нём, несущийся к Земле метеором. Бесконечные секунды единения с миром и собой. Секунды, когда ты понимаешь так много о себе и о жизни. Вот они, моменты просветления! Йога, медитации, молитвы... всё тлен по сравнению с полётом.

Рву за кольцо, хлопок, и меня дёргает вверх, раскрывается крыло парашюта, которое ощущается продолжением собственного тела. Огромное тканевое крыло за спиной распаиваются во всю ширь. Ощущаю себя ангелом, спускающимся с Небес на грешную, но такую прекрасную Землю.

Бесконечные минуты управляемого парения, и этот необыкновенный вид на поля, леса, ленточки дорог и ниточки мостов, а вдали скорее угадывается, чем виднеется Бордо. Ни одна передача, ни одна камера мира не передаст этого чуда в полной мере. Только так, шагнув с Небес.

Вертя головой с закреплённой камерой, не забываю и о

стропах парaplана. Сделав несколько кругов, приземляюсь неподалёку от условленного места, и начинаю собирать крыло.

Напоследок я ещё раз оглядываюсь на строения аэродрома, последний взгляд в Небо...

... и я клянусь себе, что когда-нибудь оно станет моим – полностью и безоговорочно. Пока – крыло парaplана, потом придёт черёд и уроков пилотирования. А потом, может быть не очень скоро...

– ... Небо будет нашим! – говорю я вслух, садясь на постели. В голове угасают обрывки сна, в памяти остаётся только вид Земли с высоты, да тоска по Небу. И твёрдая уверенность, что я – смогу!

– Сорбонна, университет Париж-юг, факультет механики и автоматизации! Я могу! Смогу...

Сжимаю яростно кулаки, убеждая сам себя... пока глухо. Тренированный ещё в прошлой жизни мозг... или сознание? Не знаю... Я не вспоминаю науки, к сожалению – просто легче даётся. А ещё память, в которой занозой сидит, что однажды – было!

Встав с постели, прошёл босыми ногами по дешёвому гостиничному ковру, вытертому ступнями тысяч и тысяч постояльцев, остановившись у окна, на котором ещё виднелись следы ночного дождя. Раздёрнув плотные шторы, бездумно

глядел несколько минут с высоты третьего этажа на улицы Нижнего Новгорода, потихонечку просыпаясь.

Посетив клозет, приоткрыл форточку, и в номер ворвался свежий воздух, принеся с собой звуки и запахи улицы. Грохот тележных колёс по булыжной мостовой, цоканье копыт, шорканье дворницкой метлы, окрики разносчиков и свист городского. Городская симфония как есть.

Продышавшись, начал неспешно суставную гимнастику, пробуждая и прогревая организм. Затем повторил комплекс более энергично, и как завершение разминки – бой с тенью, с упором на технику, а не резкость.

Разогревшись окончательно и порозовев, сделал два десятка берпи, и встал на руки, касаясь стены босыми ногами. И – р-раз... голова коснулась ковра, руки начали выпрямляться. И... – два...

Часом позже, закончив упражняться в калистенике², влез под душ, подставив лицо упругим струям воды. Ополоснувшись, сделал воду почти кипяtkовой, на грани нетерпёжки, а потом ледяной. И снова, снова... Вылез бодрый и голодный, так што даже и не шибко вкусный гостиничный завтрак встречен был моим желудком «на ура».

За минувшее лето я как следует прочувствовал профессию репортёра, объездив с десятков городов по поручению редакции. Интересно, но...

² Система тренировок с весом собственного тела.

... уверенно могу сказать, что это не профессия мой мечты. К сожалению. Есть толика таланта... да, именно толика, я не люблю обманываться, раздувая собственную мнимую значимость.

Статьи мои интересны скорее новизной и необычностью подачи, чем блистательной журналистикой. Перехватят, скопируют стиль, и што останется? Умение перескочить через забор, пробраться в охраняемое... куда-то-там, да на равных говорить с мутными личностями? Полезные навыки, и как довесок к репортёрству вполне значимы, но и не более, чем довесок.

В чистом виде я состоялся разве что как фельетонист и карикатурист, што как бы и здорово для четырнадцатилетнего парня, но всё же не верх карьерных мечтаний.

За спиной моей виднеются доброжелательные тени дяди Гиляя, Чехова, Посникова и других гигантов. Такой себе удачливый сорняк, выросший под сенью могучих деревьев.

Возможно, я слишком критичен к себе, да и если рассуждать здраво – на добротный средний уровень мастерства я таки вышел. Нужно только совершенствоваться, оттачивать навыки...

... но особо не хочется. Не моё. Получается, и буду стараться ради самоуважения, но не моё. Альтернативы же – нет, ну или возможно – я её не вижу.

С некоторой снисходительностью меня воспринимают как репортёра, подразумевая тени за спиной. Я – продолжение

дяди Гиля и прочих Настоящих. Половинчатая эмансипация, проклятый возраст!

Пока в профессии, я взрослый. Почти. Шаг в сторону, и просто – странноватый подросток. Заработанные деньги и связи в расчёт берутся, но... возраст.

Репортёрские корочки будто добавляют мне года этак два-три в глазах собеседника. Много больше дают, чем серьёзные не по годам глаза, высокий для моих лет рост и неплохой разворот плеч.

Меня где-то там признали серьёзные и уважаемые люди, и пока это признание есть, со мной можно разговаривать всерьёз. Почти.

Мало кто способен говорить, отринув условности указанных в документах годков, без ноток снисходительности – настоящей или вынужденной, принятой под давлением общества. Есть оглядочка, есть...

Наверное, именно поэтому я так легко сошёлся с жидами, у которых под налётом цивилизованности остался прочный фундамент ветхозаветности. А потом, в Палестине – с арабами, друзьями, курдами. У народов сих в подкорке прописаны другие параметры взрослости. Не возраст, а умение зарабатывать, содержать семью, сражаться.

После Палестины особенно тяжело такое принимать. В тех диких местах честнее всё, и даже европейцы смотрят не на бумаги, а на человека. А здесь душно. Как плитой могильной придавили, и дышится через силу затхлым воздухом.

Встряхнувшись, выбросил из головы упаднические мысли, да и пошёл собираться. Грех жаловаться-то, Егор Кузьмич! Три годочка тому думал, што б пожрать, да не шибко тухлово, а ныне – эвона, ремесло репортёрское не для тебя! Зажралси!

Хучь ково из Сенцово спроси, так не глядя поменяется со мной, и рад-радёхонек будет, Богу молиться до конца живота своево. Жрать сытно да вкусно, спать мягко, одеваться по-господски, уважение от общества иметь, да не думать о дне завтрашнем, аки птахи небесные. И счётёц в банке такой, што и детям на не думать останется, даже и не один! А? Не щастье ли?!

А тут – мысли упаднические! Скушно, душно, уважения не хватает.

Ничево, Егор Кузьмич, ничево... Живы будем, не по-мрём, а там – на тебе университеты Сорбонские, и Небо... Небо будет нашим!

* * *

Сойдя на Ярославском вокзале, сходу выглядываю носильщика, завертев полтину в поднятых над головой пальцах.

– Куды изволите велеть, сударь? – материализовался рядышком степенный носильщик в чистом холщовом фарту-

ке, при окладистой бороде, и как полагается на столь ответственной должности – тверёзый.

Не успев ничего сказать, замечаю троицу полицейских, возглавляемую ажно цельным участковым приставом³, и понимаю – за мной. С учётом немалого чина пристава с самой што ни на есть канцелярской бледной рожей, всё очень серьёзно.

– Егор Панкратов? – торжествующе произносит запыханный пристав, явно пренебрегающий в последние годы любыми видами физической нагрузки.

Помощник околоточного надзирателя⁴ и городской старшего оклада⁵, пребывающие при нём, держат верноподданнически-дуболомные выражения широких лиц. Сугубо в рамках инструкций.

– Егор Кузьмич Панкратов, – поправляю его снисходительно, отчего на лице полицейского пробегает нескрываемое раздражение⁶, а в глазах фельдфебеля, вот ей-ей – смешинка мелькнула!

– С кем имею... – пауза, и ярко выраженная игра интонациями и лицом, – честь?

³ Участковый пристав полиции соответствовал коллежскому секретарю, или же в переводе на армейские чины – штабс-капитану и штабс-ротмистру, лейтенанту флота или казачьему подьесаулу.

⁴ Фельдфебель.

⁵ Старший унтер-офицер.

⁶ ГГ не произносит положенного в таких случаях «с вашего позволения», а это – на грани хамства.

На лице запыханного пристава катнулись желваки, и выражение из торжествующего стало болезненно-задумчивым. Фельдфебель же, не поменяв верноподданного выражения лица, и не сменив положение членов ни на миллиметр, ухитрился показать, што он прикомандирован при сём... с кем честь имеют. Но отдельно!

«— Высокие отношения!» — мелькает в подсознании.

На лице носильщика тоскливая досада от потерянного времени, и неизбежной почти свидетельской нудоты. Я ему даже немного сочувствую... но себе больше.

В пролетке меня стискивают с боков едва не вываливающиеся унтер с фельдфебелем, што значит — я опасен и склонен к побегу. Фыркаю нервно... да, знать бы сейчас — за что именно арест, что инкриминируют?

Может — ерунда, какую дельный адвокат развалит прямо в участке, а может, и серьёзно всё. Гляжу задумчиво на сидящего напротив пристава, да примеряюсь этак... и чево он потеет-то?

* * *

— ... всю Палестину пешочком, — токовал Евграф в избе у старосты, наливая утробу самонастоящим чаем, да вприкуску с сахарком, — всю земелюшку святую.

— Вот этими вот самыми ноженьками, — вытянул он ноги в истоптанных, многократно зашитых ботинках из-под лав-

ки, и полюбовался на них, шевеля носами обуви, – к каждой святыне приложился, да не по разу единому.

– Погодь, – остановил его староста, – што за земляк-то?

– Ась? – паломник заморгал растерянно, непонимающе глядя на мужика, – Земляк-то? Да Егорка! Важный стал, барин как есть! Если б не окликнул, так и не узнал бы!

– Охти... – старостиха осела квашнёй, едва нащупав руками лавку, и подтянув туда дебелый зад, – а мы-то...

– Погодь, – повторил мигом вспотевший староста, обтирая полившийся со лба пот рукавом, не глядя на подготовленное для чаепития полотенце, – ты тово... этово... не попутал? Егорка? Подпасок придурошный? Который фотографии...

– Охти, – повторил староста вслед за супружницей, – а мы-то... В люди вышел, значица. Фотографии-то, из Москвы ишшо... охти!

– Вышел! – закивал головой Евграф, щурясь умильно, – к самому патриарху вхож. И миня, значица, по-свойски в монастырь ночевать пристроил, к монахам грецким, дай ему Бог здоровьичка!

Паломник широко закрестился, и снова начал бесконечный и бессвязный разговор о Палестине, Сирии, посещении святых мест в Константинополе и своих ноженьках, истоптавших всю земельку.

– Так это, – начала разговор старостиха, – получается, што он и школу нам? А мы-то...

– Дык... выходит, што и так, – мужик запотел ещё больше, растерявшись окончательно.

– Тятя, – наморщив лоб, подал голос старший из сынов, допущенный до серьёзной беседы, – так может, написать ему? Письмецо?

– У-у... – промычал староста, зажевав бороду, и глядя вперёд невидящими глазами человека, с размаху сиганувшего в ямину с говном.

– Я так думаю, – продолжил ковать железо старостёнок, – што за спрос не быют, и если это он наш...

Он замялся, но всё-таки выговорил, выплёвывая слова:

– ... благодетель, то... А, тять?

Вторая глава

– Имя, фамилие, прозвание? – скучным голосом интересуется полицейский писарь у стоящего передо мной бродяжки в пахучих завшивленных лохмотьях и опорках на босу ногу.

– Ась? – тот заморгал красными глазками с воспалёнными опухшими веками без ресниц, пока до его пропитово мозга пробирались слова служителя.

– Так ето... Пантелеймон, в честь святителя, – собрался наконец с мыслями мой духовитый сосед, – а фамилия нет, да и откуда? Из простых мы, вашество. Из тех ворот, што и весь народ, хе-хе! Толька шта я из тех, што настез с само-во малолетству как распахнулися, так никогда щеколды и не имали, хе-хе!

– Прозванье, – повторил писарь равнодушно, не поднимая аккуратно стриженной головы, щедро смазанной бриолином.

– Ето... так когда выпить зовут, на любое откликнусь, хе-хе-хе! – смешок дребезжащий, будто в баранье бляенье вплёлся перезвон сделанного детишками колокольчика из треснутой жести.

– Прозванье, – повторил писарь, поведя глазами на сторону. Городовой, стоявший в сторонке, сделал шаг, и с равнодушным выражением кирпичного цвета лица, всадил пудовый кулак в бок бродяжке. Кхекнув, тот начал было завали-

ваться, скривившись, но могучая рука дебелого служителя порядка подхватила за засаленный ворот, вздёрнув наверх.

– Так бы и сразу... х-хе... по-людски, – просипел побродяжка, держась за пострадавший бок, – Жжонкой люди кличут, а когда и Опитым, на всё отзываюсь. Пью, стал быть, всё што горит, к-ха!

– Имя, фамилие, прозвание, – писарь подымает на меня равнодушные выцветшие глаза с красноватыми прожилками.

– Панкратов Егор Кузьмич, мещанин города Трубчевска, што в Орловской губернии.

– Прозванье? – не поднимая головы.

– Нет, или я о них не знаю, – вру, и полицейские знают, што я вру, но облегчать им задачу не собираюсь.

Усадив меня на стуле и грозно шевельнув усами для острастки, городской встаёт чуть в стороне, делая вид свирепый и не пушательный.

– На фотоаппарат... – певуче просит полицейский фотограф, – не моргать, сидеть смирно. Та-ак... снято! Теперь стоя фотографию.

Послушно встаю к ростомеру, после чего следуют фотографии – в шляпе и без. А сидя почему-то одна, без шляпы.

– Пять футов, два дюйма⁷, – диктует служитель писарю, прикрывая зевоту рукой.

⁷ 157–158 см.

Бертильонаж⁸, с прикосновениями нечистых пальцев к голове и лицу, замер аршином размаха членов.

– На тумбу пжалте, – тыкает пальцем-сосиской городской в нужную сторону, обдав меня выхлопом копчёностей и водки, и я заступаю одной ногой на тумбу, изображая циркового слона, пока меряют мой размер обуви. Отпечатки пальцев, а точнее даже – ладоней. Прижать к пропитанной чернилами губке, прижать к бумаге... Служитель надавливает сверху на ладони, дабы отпечатки вышли возможно более чёткие. Ему откровенно скушно, казённая деловитость человека, навидавшегося всего и вся, не удивить ничем. Зево-ок...

Поданная тряпка, смоченная в пахнувшей скипидаром жидкости, помогает решить вопрос с чернилами на руках, и вежливо-равнодушные полицейские сопровождают меня в камеру. Широкий коридор, щедро выкрашенный шаровой краской, обитые железом массивные двери с маленькими окошечками, забранными решёткой. Лязганье замков и беззлобный – для порядка – толчок в спину, и снова лязг засова, в этот раз за спиной.

Камера довольно-таки просторная, и неожиданно светлая. Напротив входа большое, давно не мытое окно под самым потолком, забранное частым переплётom и защищенное толстыми прутьями в клеточку. От двери до окна с обеих сто-

⁸ Бертильонаж – метод антропометрического описания преступника – придумал в 1883 году французский полицейский эксперт Альфонс Бертильон, а в 1889 году его методика была внедрена и в российской полиции.

рон широкие нары в один этаж, у самой двери параша без запаха – што значит, недавно вынесенная и отмытая. С другой стороны от двери – умывальник, ведро с чистой водой и эмалированная кружка – одна на всех.

А вообще – пахнет, и крепенько, несмотря на ощутимый сквозняк от окна. Немытыми телами, больными зубами и желудками, нестиранной давно одеждой и перегаром, вонючими босыми ногами и сохнувшими на решётке портянками. Запах трущоб и нищеты. Запах Российской Империи.

– А хто ето такой в моём красивом пинджаке нарисовался? – радостно оскалился гнилыми зубами опухший от беспрестанного пьянства здоровенный детина с длинными сальными волосами, свободно лежащими на жирных плечах. Привстав, он развёл руки...

– Никшни, утырок! – пинок в поясницу опухлому, и тот, сделав несколько коротеньких шажочков, ушибается о соседние нары. А пинатель, улыбаясь искренне и дружески, уже соскакивает, протягивая мне руку.

– Здравов, Конёк!

– Здравов, Котяра!

Чуть вздёрнутая бровь, и ближайšie постояльцы спешно отодвигаются, освобождая место. Намётанным взглядом вижу, што самые серьёзные шуки в этом пруду – мы с Котярой. Прочие – вовсе уж шушера мелкая, даром што арестов за каждым, как блох на худой собаке.

Усаживаюсь, не чинясь, смирившись внутренне с неиз-

бежными вошками-блошками. А куда деваться?

– Дык пошутил же, – бубнит тихохонько забившийся в угол детина, потирая поясницу, – так-то я смирён! Кто же знал...

– Никшни! – прилетает ему лёгонький, такой себе воспитательный тычок в бок, – Щитай, заново родился! Конёк, ён...

Привычно абстрагируюсь от тихого шипенья в паре метров от меня. Личность моя на Хитровке по неведомой для меня причине легендировалась, обросла странноватыми слухами и стала совершенно самостоятельным явлением. Такие байки иногда слышу об самом себе, што глаза сами пучатся.

– Херота какая-то, – повернувшись спиной к прочим, отвечаю одними губами на немой вопрос друга, – не успел с поезда сойти, как прямо на вокзале арестовали. Без объяснений – за што, собственно.

– Однако! – на грани слышимости, но эмоциональный посыл такой, што чуть не литаврами гремит. Чуть сощурившись, Котяра погружается в размышления, поглаживая подбородок с редкой юношеской щетинкой.

– Не, – произносит он наконец, – в душе не ебу... Ах ты ж... политика, ебёна мать! Ну точно, она!

– Ага...

Загрузившись основательно, обдумываю слова Котяры. А похоже ведь на правду, мать его ети! А это очень серьёзно, и очень для меня опасно.

В голову полезла вовсе уж чернота и пессимизм, што мне никак не нужно.

– Сам-то каким ветром в здешние Палестины?

– А... – Котяра поскучнел, – наладили на переговоры меж нашими и вашими об небольшой, но интересной панаме, а там кипеж с поножовщиной.

– Порезал ково?

– А... так! – он дёрнул плечами, не желая углубляться в подробности, ну да я не настаиваю. Захочет выговориться, так и да, а на нет и спроса нет.

Сбив щелчком наглово таракана, взобравшевося на ногу, начал рассказывать о палестинских приключениях, щедро разбавляя быть байками на восточный лад. Поскольку дела эти ни разочка не тайные, то говорю в полный голос за ради развлечения общества.

– Живут же люди, – воспользовавшись паузой в рассказе, мечтательно проговорил тщедушный молоденький фабричный, замётённый в участок за очередную драчку после запоя.

– А тебе кто мешает? – резонно заметил Котяра, – Дети мал-мала дома сидят, аль старушка-мать плачет у окна, сыночку своево дожидаячись?

– Скажешь тоже, – робко улыбнулся фабричный, – я из приютских, кто ж мне ждёт?

– Тем более, – хмыкнул Котяра.

– Ага, – фабричный нахмурился и явно задумался, кусая

тонкие воспалённые губы мелкими острыми зубами, – так значаща, тёплышко?

– Вся зима – как наш сентябрь, – подтвердил я.

– Ага, – повторил паренёк, и замолк, жадно прислушиваясь к моим рассказам, покусывая губы и грызя костяшки пальцев.

Залязгала дверь, и на пороге появился рослый полицейский унтер, за которым в коридоре маячил мордатый ефрейтор с лицом, не искажённым совсем маленькими признаками интеллекта.

– Панкратов Егор, на выход!

– ... а может, и действительно? – услышал я, выходя, – заради чево корячусь, если можно просто – как птаха небесная, по южным краям?

Давешний коллежский секретарь рассматривал меня с нарочито равнодушным видом, постукивая карандашом по столу и надувая щёки. В углу кабинета разместился вытянувшийся в струнку зверообразный городской низшего оклада – из новичков, судя по излишней манекенности и пученью глаз в мою сторону.

– Ну-с... – полицейский офицер вперил в меня рыбий взгляд, приподняв правую бровь, – будем говорить?

– Говорите, – снисходительно разрешил я, перекинув ногу на ногу, и рыбеглазый надул щёки, сдерживая гнев. Выпустив воздух, он откинулся на спинку скрипнувшего под ним

стула.

– Н-да... – постукивание карандаша, – упорствуем? Запираемся?

Он полез в ящики письменного стола и замешкался.

«– Не родной, – выдало тотчас напрягшееся подсознание, – не родной кабинет!»

Мысленно отметил это как нечто важное. Пока не понимаю, но подсознательно жду подвоха.

– Панкратов Егор... Кузьмич, – вытащив папку, начал он зачитывать, – он же Конёк, Шломо, Два Процента...

– Происхождение этих прозвищ не расскажите? – осведомился он многозначительно, впери в меня суровый взгляд. Улыбаюсь ему безмятежно, хотя внутри далеко не... сильно не...

– Итак... – он отложил бумаги, поставил руки на стол и сцепил кисти, опершись о них подбородком. Короткая игра в молчанку, и полицейский поменял метод.

– Что же вы, голубчик? Напрасно, напрасно... – он нацепил пенсне с простыми стёклышками, и стал похож на земского врача или учителя, под которых, очевидно, и решил мимикрировать, – полиция, голубчик, призвана оберегать покой граждан!

Сделав интересующийся вид, услышал прямо-таки воркованье голубя перед голубкой, и...

... – лишнево не наговорили, и слава Богу, – флегматично сказал пожилой Иосиф Филиппович, грузно усаживаясь

в пролётку напротив меня, – дразнить полицию не следует, но помалкивать, покуда не приедет адвокат – тактика самая правильная.

– Владимир Алексеевич спохватился? – поинтересовался я.

– Да-с... – заулыбался адвокат, – есть, знаете ли...

Покосившись на извозчика, он замолк, и молчал так до самой редакции.

– Слава Богу! – обнял меня дядя Гиляй, крепко притиснув к животу, – Мне когда сказали, што тебя полиция арестовала прямо на вокзале, я места себе...

– ... вошки, – запоздало пискнул я.

– А? Пустое, – отмахнулся опекун, обнимая ещё раз, – Всё равно в баню с дороги, там и поговорим.

В Сандунах взяли семейный номер для спокойного разговора, и после помывки, в перерывах между заходами в парную, я с подробностями рассказывал об аресте. Владимир Алексеевич, знающий в лицо едва ли не всех полицейских Москвы, только хмурился, мрачнел, да дёргал себя за усы.

– Дела, – наконец сказал он тягуче, и замолк.

– Это по закону у нас тишь, гладь и Божья благодать, – отдуваясь после выпитого залпом квасу, сказал закутавшийся в простыню Иосиф Филиппович, погрузившись в воспоминания, – Сравнить ежели с Британией, так мёд и мед – по законам ежели. Смертная казнь – событие такое себе редкое, што... Ну, не по пальцам, но десятки в год.

– А вспомнить ежели, што у нас есть и репрессии внесудебные, то на Британию с её жестокостями уже и не шибко покиваешь, – продолжил он после мрачной паузы, – Для репрессий политических никаких законодательных основ у нас и нетути. А репрессии есть.

– Сплошная натяжка законов на начальственное хотение, – закончил за него дядя Гиляй, помрачневший и будто бы даже постаревший, – самодержавное.

Вспомнились мне рассказы деревенских о том, как с артиллерией подавляют даже и не бунты, а просто волнения крестьянские. Как берут в штыки деревни, не оставляя в живых никого. Как стреляют, вешают... без суда, даже упрощённого, несправедного, военно-полевого.

И никакой потом статистики, никаких циферок в отчётах. Просто – умиротворение. Подавили волнение.

Вспомнилось... и до озноба, до скрипа зубов, до...
... ненавижу!

Третья глава

Проводив Саньку в Училище, а Наденьку в гимназию, пошатался бесцельно по квартире, да и сдвинул решительно мебель в гостиной, освобождая место. Татьяна выглянула из кухни на шум, и завздохала сочувственно, не став ничего говорить, вопреки обыкновению. Постояла этак, прижав руку с полотенцем к склонённому набок лицу, да и ушла тихохонько назад, чувствуя бабьим своим нутром нехорошее моё настроение.

Гоню мысли прочь изнурительной тренировкой на выносливость, поглядывая то и дело на часы. Не хочу даже, но шея будто сама вздёргивается, а глаза косятся на циферблат.

Время тянется застывающей смолой, и каждая минута кажется часом. Не выдержав, решительно остановил ходики, и снова – физические упражнения, чередуемые связками ударов, разрывающих воздух.

Представляю при ударах ненавистные рожи – когда абстрактное нечто в орденоносных мундирах, а когда и вполне конкретные персоны. Вон... городской под окном или вовсе – Величеств и Высочеств всем скопом. И по рожам – холёным, упитанным, высокомерным, право имеющим... которых знаю по продаваемым, навязываемым на улицах открыткам – чуть не до разрыва связок, до боли в мышцах.

Вымотавшись едва ли не до отказа ног и обморока отуста-

лости, сполоснулся вяло под душем и пожевал подсунутый Татьяной пирог – несомненно вкусный, но здесь и сейчас отдающий почему-то жёваной бумагой и ватой.

С-суки! Не домашний арест даже, а «постановление», которое попробуй ещё оспорь.

Это вроде как «отческое вразумление» и «нежелание портить судебными делами карьеру столь талантливому юноше», а на деле – жопа. Полная!

Не арест, а... выглядываю в окно и вижу фигуру городского, дежурящего у двора. И дворник, при всей ево ко мне основанной на подарках симпатии, и уважении к Владимиру Алексеевичу, бдит! Потому как по сути низший полицейский чин, обязанный по закону надзирать, свистеть и не пускать, а не только говно конячье убирать, да метлой мести.

Выход из дома – сугубо через разрешение, выдаваемое в полицейской управе, притом каждый раз – заново. Строго по нужде, которую необходимо доказывать в этой же управе.

Нарушать эти... предписания без большой необходимости рискованно. Судебная, а главное – внесудебная репрессивная машина самодержавия перемелет меня голодным Молохом, выплюнув остатки. Все возможности есть.

Будь я совершеннолетним, мог бы просто раствориться в городе, и через границу... да хотя бы в Австро-Венгрию. Габсбурги традиционно не ладят с Романовыми, привечая беглецов, тем паче денежных.

Пока я эмансипирован лишь частично, а несколько лет

проводить на нелегальном положении или затевать сложные, дорогостоящие и де-факто безнадёжные судебные процессы из-за границы как-то не тянет.

Да и неприятности опекуну такой побег может доставить ни разу не шуточные. Несмотря на отсутствие судебных постановлений. Предписание! С-суки...

Маотно, тошно и зло, а время... ах да, ходики. Сверился с карманными, запустил часы в гостиной, да и сдвинул мебель обратно. Скоро Надя из гимназии придёт, Санька из Училища вернётся. Так-то он на месте обедает, но сейчас вроде как из солидарности и желания поддержать меня, приходит на обед домой.

На обед собрались всем домашние и ещё чуть-чуть сверху. Иосиф Филиппович, огрузнув устало на стуле, медленно ел, роняя слова.

– Добиваемся суда, – ложка отправляется в рот, обрамлённый седыми усами, несколько жевательных движений... – гласного и открытого.

– Главное сейчас, – пояснил дядя Гиляй супруге с дочкой, – перевести дело из русла внесудебного в законодательное. Гласный открытый суд – то, что нам сейчас нужно. Выбить все эти подпорочки постановлений, сорвать оковы бессудных предписаний!

– Все шансы, – закивал адвокат, поймав вопросительный взгляд Марии Ивановны. Он пожевал губами и добавил с некоторым сомнением:

– Не могу ручаться, но по всему выходит, што дело готовил покойный Трепов, – он закрестился при упоминании покойника, а Надя, напротив, поджала гневно губы, сцепив демонстративно перед собой кисти рук. Ну, мать ей потом выскажет...

Санька перекрестился с видом человека, узревшего своими глазами Божественное правосудие.

– Сам, или в его канцелярии, – Иосиф Филиппович еле заметно пожал плечами, и одними глазами показав Марии Ивановне на стоящую посреди стола супницу, и та, за неимением удалённой из гостиной Татьяны, поухаживала за ним, долив пару половничков, – сказать уверенно не могу, да по сути и неважно. Заторопились, или из-за отсутствия должного контроля допустили ошибки на каких-то этапах, не суть.

– На таран их брат, – бухнул тяжело задумавшийся опекун, зажав по-мужицки ложку в кулаке, – пока не спохватились. Суды, общественность, да даже...

Он подёргал себя за ус.

... – даже и полиция, – прозвучало без особой уверенности, – Новая метла, так сказать... да и неофициально могут... да-с, могут, потому как не все...

Опекун задумался, и на широкое лицо его выползла улыбка хулиганистого мальчишки, задумавшего какую-то нешуточную пакость.

– Я, наверное, не вернусь ночевать, – тихонечко предупредил он супругу и домашних, сызнова одеваясь на выход

после обеда, – надо будет подёргать за кое-какие ниточки.

Чмокнув Марию Ивановну в уголок губ, опекун выскочил за дверь, догоняя адвоката.

– Ма-ам, – напомнила о себе Наденька, – девочки к вечеру ближе на чай придут, ты не против?

– Да помню, помню, – отмахнулась та, – Бога рада! Позавчера ещё предупреждала.

– Ну... – засмушалась девочка, – мало ли, вдруг изменилось што?

... и глазами в мою сторону с видом заговорщицы.

– Общественность будем поднимать, – как только мать удалилась, горячечно объявила Надя, схватив меня за руку, – ты знаешь, какие девочки у нас есть замечательные?!

Закивал ей с видом самым серьёзным и благодарным, хотя какая там общественность из гимназисток? Так... почувствовать себя причастными к чему-то...

... и так стало вдруг стыдно этой своей снисходительной взрослости! Девчонки, да. Могут немного, но ведь пытаются же! Пусть пока скорее моральная поддержка, пусть... зато вырастут, по крайней мере, людьми не равнодушными.

– Ох, Надя, – обнял я её порывисто, – как же мне с вами повезло!

– Скажешь тоже, – заалела она, оттолкнув меня слегка.

– И неча обниматься, – неожиданно выговорил мне Санька, пока Надя скрылась на кухне, отдавать горничной распоряжения перед приходом подруг, – с Фиркой вон...

... и как уши запыльхали! Как засмутился!

– Ну а если и да!? – с тихим вызовом сказал Чиж, косясь на дверь кухни, – Сейчас нет, а вот потом...

Он окончательно засмутился, и я хлопнул его по плечу.

– Хороший выбор, брат!

«– Однако! – думалось мне, – Однако!»

И никаких больше слов и мыслей, только это словечко, да вся непростая ситуация с Санькой. Как-то оно всё сразу пошло, кувырком.

– Туки тук! – постучалась Надя в нашу комнату, – Можно?

– Заходи! – отозвался я, поворачиваясь на стуле. Усевшись на стуле рядышком, она поправила подол платья и начала рассказывать, какие у них в классе замечательные девочки, и как они все... как одна...

Санька подвернув одну ногу под себя, сидел на кровати, делая наброски в альбоме. Всё как всегда, только теперь это видится совершенно в ином свете.

Выговорившись, Надя поделилась проблемой:

– Творческий кризис, не идут рассказы о Сэре Хвост Трубой, – и опечаленный вздох.

– Бывает, – покивал я с видом умудрённого старца, – сделай перерыв.

– Может быть, и сделаю, – неуверенно пожала плечом девочка, явно не воодушевлённая предложением.

– Или смени жанр, – поменял я предложение.

– Ну...

– Героя. Вбоквелл сделай.

– А это как? – заинтересовалась она.

– Да тот же котячий мир, только вектор поменяй. Писала о героическом воителе с его кошачьими приключениями и боями за даму сердца, напиши теперь о ленивом и хитрожо...

Надя хихикнула, стараясь удержать вид благовоспитанной девочки, не знающей столь низких слов, но получилось откровенно плохо.

... – хм, хитроумном, да! Хитроумном котячьем герое, си-барите, лентяе и... – я прищёлкнул пальцами, останавливая открывшево было рот брата. В голове вертелись идеи и сюжеты, и я отчаянно пытался не упустить их.

– Гарфилд, – выдохнул я, – назови его Гарфилд!

Несколько минут я рассказывал пришедшее в голову, лихорадочно размахивая руками и расхаживая по спаленке. Надя уселась за стол, подвинула чернильницу и чистую тетрадку. Она агакала и быстро записывала, задавая уточняющие вопросы и время от времени грызя кончик пера.

Санька весь ушёл в рисование, и проходя мимо, я заметил ненароком в его альбоме забавную смесь набросков и лубка.

Звонок в дверь прервал эту идиллию.

– Барышня! – позвала Татьяна из прихожей, – До вас подруги пришли!

– Ой, да! – вскочила Надя, – Девочки!

Вслед за ней вышли и мы с Санькой, и ситуация разом ста-

ла почти светской. Весной ещё Наденькины подружки спокойно общались с нами, и лишь изредка тренировались в стрельбе глазами, а теперь – барышни! Внезапно.

– Елена, – наклонился я к руке, целую воздух над пухлой кистью, – вы удивительно повзрослели за те месяцы, пока мы не виделись.

Девочка захихикала и порозовела, очень мило смутившись. Она не столько повзрослела, сколько... хм, разъелась, став таким миленьким поросёночком в гимназическом платье, и слова мои пролились умиротворяющим бальзамом на её истерзанную душеньку.

– Ольга, – склонился я в поцелуе над рукой второй девицы, пока Санька копировал мои действия, бормоча што-то вроде «Рад! Очень рад!», – ещё немного, и за вами станут ухаживать красивые офицеры с самыми серьёзными намерениями.

Рано запрыщавевшая Ольга захихикала вслед за подругой, и мы переместились в гостиную, ведя беседу едва ли не светскую. Мария Ивановна бдила в углу над спешно вытасченным вязаньем, изображая из себя дуэнью, и одобрительно кивая в нужных местах.

Санька несколько подрастерялся, и некоторое время мне пришлось отдувать за двоих. Но потом ничего, брат оклемался и вполне себе светский лев прорезался. Львёнок.

Беседа текла своим чередом, и гимназистки делились уж-жасно революционными планами по возмущению обще-

ственности. Намерения их не простирались дальше оповещения знакомых о возмутительной, ужасно неправильной ситуации со мной.

Я послушно кивал в нужных местах, благодарил за содействие прогрессивную общественность в их лице. Общественность млела, чувствуя себя ниспровергательницами основ и почти взрослыми дамами.

К превеликому моему облегчению, объектом воздыханий я не стал. Слишком взрослый. Не годами, а скорее биографией.

Смутно понимаю, што в таком возрасте я для них примерно столь же романтичен, как персонаж приключенческих книг. И столь же книжен. Некто абстрактный, пахнущий типографской краской, и в чьей речи слышен шелест страниц. Образ.

Странным делом, тревожность и злость понемногу начали отступать при разговоре с девочками, и я наконец позволил себе поверить – всё будет хорошо. Наверное.

Четвёртая глава

Опекун грыз мозговую косточку из щей, свирепо топорща усы, и чуть не урча по котячьи, весь отдавшись первобытному процессу насыщения. В эти минуты он как нельзя сильно походит на варварского вождя после кровавой схватки, и даже в глазах ещё не затухли красноватые отблески боя.

И манеры, да... варварские. Ни в коем случае не свинячьи, а этакое дикарское благородство, с которым он обгрызает мосол и выколачивает из кости мозги. Вот как, а?!

На ково другово так и поморщишься с этакими ухватками, а у дяди Гиляя так аутентично и аристократично выходит, што – манеры и этикет. Просто варварские.

Наденька пока в гимназии, Мария Ивановна видывала супруга и не таким, а мы... нас обгрызаньем мосла не смутить.

Супружница Владимира Алексеевича только голову рукой подпёрла, да умилённо наблюдает, как крепкие зубы мужа перемалывают хрящи.

– Добавки? – горлицей проворковала она, глазами изливая на него нежность и уходящее прочь беспокойство за лихого супруга, вернувшегося из удачного набега. И ведь ей-ей! Горят чьи-то там... нивы и сёла. Пусть даже и метафорически.

Потом гляжу на опекуна, и такое себе сомнение берёт насчёт метафоричности! Этот могёт и вполне даже натурали-

стично. По заветам, так сказать, предков. Пращуров даже, из времён додревних, когда врагов привязывали за ноги к двум согнутым берёзкам...

– Добавки? – повторила супруга вождя, не услышав ответа.

– У? – варвар задумался, не выпуская из зубов мосол, – Угу! И пирог... есть?

Голос хриплый, сорванный, будто и впрямь на абордаж ходил, врубаясь во вражеские ряды и надрывая горло командами. Ну ли вражескую крепость брал, притом в первых рядах.

А ведь похоже! Была, драчка, ей-ей! Чутьочку самую, но бережётся при движениях, и ссадины на костяшках об чьи-то зубы.

– Рыбный, – подхватила Мария Ивановна, – принести?

Энергичный кивок, и челюсти вновь заработали, а руки подтянули из хлебницы горбушку духовитого чёрного хлеба от Филиппова.

– Натереть чесноком? – поинтересовался я, и горбушка была впихнута мне в руки. Натираю спешно, щедро, не жалеючи злого чеснока, и сразу – на! Только урчанье, да рвущие горбушку зубы, с наслаждением перемалывающие свежайший ржаной хлеб. И запах такой духмяный пошёл, такой внуснющий, што мы с Санькой не выдержали, да и по кусману хлеба, да чесноком его, и как навернули! А казалось бы, сыты.

Варварский вождь насыщался, медленно и неотвратимо

уничтожая всё подаваемое на стол, превращаясь потихонечку в дядю Гиляя, а потом и в цивилизованного Владимира Алексеевича. Поев, он некоторое время сидел с полуприкрытыми глазами, потом встал решительно и будто через силу, через великую усталость, и ушёл в ванную умываться.

За самоваром вождь отошёл понемножку. Шумно сёрбая чайный кипяток по-купечески – из блюдца, опекун щедро черпал ложечкой варенье прямо из подвинутой поближе баночки, и розовел на глазах, надуваясь обратно водой и сытостью.

– Полдела сделано, – сказал он негромко, отмякнув вконец душой, – добились перевода дела в юридическую плоскость из внесудебной, ну и формального обвинения дождались наконец.

Мария Ивановна вопросительно посмотрела на него, зная ответ, но женской своей натурой надеясь на лучшее.

– Оскорбление Его Величества, – разочаровал её супруг, и чуть улыбнулся по-мальчишески, – Да не волнуйся! Развалим!

– Мне, – он сощурил глаза, превратившись на миг в лихого казачьего атамана, – донесли надёжные люди, што дело наше сырое, без должного оформления. Трепов, покойник, какую-то сложную комбинацию вокруг закрутить вздумал, а с его смертью всё и сорвалось.

– Раньше времени начали, – подумалось мне вслух, и руки от волнения сами сжались в кулаки.

– Может и так, – кивнул согласно дядя Гиляй, – или может, просто часть информации у обер-полицмейстера в голове хранилась, сейчас уже не узнать. Дело сырое, рыхлое, но могло бы, да... Нам просто удалось перехватить его вовремя, в период междувластия.

В сощуренных глазах его мелькнули красноватые отблески крови и большого пожара...

* * *

– Я, стал быть, миром к тебе послан, Егор Кузьмич, – потоптавшись у двери, с чувством проговорил дед Агафон, вовсе уж сдавший и постаревший, едва ли не выцветший до прозрачности, – к тебе, как благодетелю нашему, поклон низкий передать!

Земной поклон не стал неожиданностью, но всё равно – неловко, и почему-то стыдно. Всё в рамках деревенского этикета, но чортово...

... подсознание посчитало иначе, и бросилось поднимать старика. В выцветших глазах ево мелькнули почти незаметные, но вполне читаемые нотки довольства.

«– Стал быть, продавил Егорку сходу, почитай полдела сделано» – прочиталось на ево лице, поросшем клочковатой, сильно поредевшей бородкой.

Я прикусил губу, но сердобольная Наденька уже захлопотала, отдав распоряжение любопытствующей Татьяне.

– ... так вы односельчане?! – всплескивала девочка руками, проявляя добросердечное, но не вполне уместное гостеприимство, – Надо же!

– Агась! Обчество послало, – не спуская с залатанных колен тощего узелка из вытертого рядна, Агафон неловко угнезвился на краю стула, выпрямившись так, што умилённо прослезился бы любой ревнитель фрунта и муштры.

– Да вы пейте, пейте! – хлопотала Надя, щедрой рукой наливая в фарфоровую чашку заварки и подвигая сахар, банки и варенье.

– Дык... – спотыкнулся словесно Агафон, опасливо косясь на белоснежную скатерть и тончайшие чашки бумажной толщины, – вы тово... этово... не думайте, я с бани досюда! Без вошек! Не так штобы и совсем с дороги, а подготовился в гости, как и положено, значица.

В глазах ево плескалось осознание важности миссии, и опасливая оглядка человека, редко едавшего хоть што слаще морквы. А тут чай! С конфектами вприкуску, и господами почти што за одним столом! Пусть мы с отсутствующим пока Санькой и вдвоём на пол господина не вытянем, но Наденька, сразу видно – барышня из хорошей семьи!

– Обчество, значица, наладило до Москвы, и здеся тоже, значица, позаботилося. Письмецо...

Он начал рыться суетливо в узелке, и наконец нашёл свернутое треугольником послание односельчан, заботливо завёрнутое в ветхую, но чистую тряпицу. Забрав письмо, я

установился вопросительно на Агафона. Тот зашамкал беззубым ртом, собираясь с мыслями.

– Мир послал, Егор Кузьмич, – разродился он наконец, – мы, стал быть, благодарны...

Кряхтя, старик начал вставать, явно намереваясь ещё раз поклониться, и Наденька поддалась на эту нехитрую провокацию. Усадив его на стул, она укоризненно глянула на меня, и принялась потчевать млеющего гостя вкусными вкусностями.

В груди зародилась глухая досада, и я развернул письмо.

«– Любезный Егор Кузьмич, давеча узнали ненароком, што вы и есть наш таинственный благодетель, не забывающий родную деревню неустанной помощью своей. Нет слов, какую горячую благодарность чувствуем мы к вам за ваши благодеяния...»

Морщусь, пробегая глазами обязательные в таких случаях славословия.

Я-деревенский не видит в них ничево худо иль хорошево, просто положенный поконом деревенский етикет. То самое, што когда не знаешь, как себя весть, ведёшь как предками заповедано, от века. Губы сами произносят заученные слова, члены совершают нужные движения, и неловкость ситуации прячется под кружевами обычаев.

Я-в-подсознании... вылез как нельзя некстати, и такое чувство неловкости распирает, такое смущение за обычные, освящённые временем строки на желтоватой бумаге, да зем-

ной поклон Агафона, коим он выразил мне благодарность общины, что и не передать!

Надя вела светскую беседу, а Агафон млел от внимания и господсково вежества. Засунув за одну щёку конфету, а за другую кусок сахара, он ломал мозолистой рукой баранки, и аккуратно рассасывал их с чаем, жмурясь от вкусотищи. Морщинистая ево шея, вытянутая вперёд, делала старика похожим на антропоморфную черепаху.

Я мотнул головой, выбрасывая неожиданный образ, и снова вчитался. Ага, вот оно...

«— ... шлите, Христа ради, денег, потому как живём в крайней нужде. Хлеб покупаем, а пуще того берём в долг, потому как в этом годе у нас снова неурожай. Яровой уродился плохо, а рожь побилло градом. Нужно на хлеб, а ишшо на лошадей, потому как с ними совсем у нас плохо»

Подсознание жалостливо затрепетало, а циничный здешний-я сощурился, анализируя читанное. Врут! Как есть врут!

Што бедно живут, это как есть правда, но такая слезница, и не рукой учителя писана? Не... вот ей-ей, врак не меньше половины!

Тот бы написал поскладней, поглаже. Да и поуважительней было бы ево рукой, а эти... пиктограммы корявые. Значица, што? Не так всё и плохо, а просто – дай! А вдруг!?

Тётке неродной дал, так и прочие в Сенцово ни разу не откажутся. А общину тянуть... не-е!

Меня ажно трянуло, как представилось, што будто тя-

ну я на себе всё Сенцово. Землицу общине прикупить, коровок-лошадок каждому. Да поплакаться бесприданнице какой о несчастной своей доле, потому как без приданого она никому и не нужна...

Ни много, ни мало, а несколько сот человек. Какая ни хреновая, а всё – родня! А всем дать, так давалка сломается!

Но надо. Потому как... я закричал, перечитывая письмо... пусть и не совсем плохо, но и хорошево мало. Да и откуда хорошему взяться, если землицы там – мало не на одноножников⁹? Как ни дели, как ни устраивай передел, а больше не станет. Н-да, ситуация...

– Значит, так, – я стукнул слегка ладонью по столу, привлекая внимание, и Агафон замер испуганным сусликом, – для начала хочу предупредить, што у меня скоро суд, и судить меня будут – за политику.

– Енто как? – опасливо поинтересовался старик, – Власти ругал?

– Царя, – и тут же поправляюсь, – так, во всяком случае жандармы говорят. И вы попасть можете под горячую руку.

Агафон зашамкал губами, расстраиваясь и мрачняя, стухая на глазах.

– Не расстраивайтесь вы так, дедушка Агафон! – Надя погладила старика по руке, – Всё хорошо будет! Егор просто совестливый, и не хочет втягивать вас в неприятности, пото-

⁹ Одноножник – то есть обладатель надела, на котором можно (символически) стоять на одной ноге. Земля вроде как и есть, но прокормиться с неё невозможно.

му и предупреждает заранее.

– Хорошо, значит? – старик начал надуваться взад, отчего у меня возникли весьма скабрзные мысли по такому ево надутию.

– Канешно! – звонко уверила ево девочка, подлаживаясь под простонародный говор, – Вот увидите! Если вас даже и будут спрашивать о чём, так вы правду говорите – пришли просить о помощи для односельчан, а никаких политических разговоров в вашем присутствии Егор не вёл!

– Ишь ты! – Агафон закрутил головой, – И всё?

– Канешно, – непуганая жизнью девочка Надя, даже удивилась. Старик с сомнением покрутил головой, но решил таки, што дело нищезо – брать милостыню, а не интересоваться благонадёжностью дарителя.

– Ну тогда и хорошо, – закивал он, уставившись на меня с отчаянной надеждой в заслезившихся глазках.

– Значит... так, – повторился я, собираясь с мыслями, – всё Сенцово тянуть – тянулка порвётся. А вот, к примеру...

Как нарощно, пример не подворачивался.

... – санитаром в больницу могу помочь устроиться, – родил наконец мозг, – и не только в Москве!

Соображалка заработала на полную, и судя по выдоху Агафона, такие карьерные возможности весьма впечатлили пастуха.

– Как вам Одесса?

– Кто? – осторожно поинтересовался Агафон, уставив-

шись на меня незамутнённым взглядом.

– Не кто, а где! Город такой, у самого Чорново моря! Портовый, тёплый. Вот в порт ещё могу помочь.

– Агась! – закивал старик, – Это значит, одним работка в городе, а другим – земляца оставшаяся? Так оно и ладно!

– А это, – спохватился он, – с обедами при школе? Ну... и школа тож, штоб ребятишек питать, и грамоте, опять же, не лишнее...

Вытянув шею, он с тревогой вглядывался в моё лицо.

– Останется.

– Благодетель! – прослезился старый пастух, норовя припасть к руке.

– Санитаром, ишь ты! – со вкусом проговорил Агафон, выйдя со двора и щупая разбухший узелок, в который сердобольная горнишная насовала всяково. Даже и хлеб ситный есть, а?! Не сильно даже и заветренный! Небось и староста таким не побрезгует, а токмо спасибочки скажет, тока дай!

– Это ж кому такой карьер светит? – задумался он, – При больничке, да небось – доедать за болезными можно? Да-а... Одново киселя небось хучь объешься! И каши досыта. А все-то – говна за болезными выгребать.

Рассуждая этак, он брёл потихонечку в сторону ночлежки. Переночует севодня, а завтрава и восвояси, а уж дома он обскажет всё как есть! Да... и сверх тово чутка!

«– Небось теперя не будут попрекать куском хлеба, да

приживалом звать, хе-хе... Вспомнили о старике, ну да он теперь важнящий будет, а не как раньше. Как же, пробился к Егору Кузьмичу, и тово – добился! В город, да на такие работы уговорил, штоб помог устроиться, а?! А всё почему? Потому шта подход и уважение к каждому нужен!

Поехал бы старостёнок, так небось шишь ему, потому как забижал Егора по малолетству! А ён, Агафон, всё-таки первый учитель, и уши зазря не драл! Ишь, в люди как высоко выбился...

Это ж теперя я сторожем при школе, – размечался он, – шти каждый день хлебать буду. Так вот кулаком по столу стукну, и скажу, што Егор Кузьмич велел миня как первово учителя свово особливо кормить! А?! При школе-то! При ребятишках-то веселей будет. И жалованье, ети ево!

Три рубля в месяц, да при казённом жильё и харчах, это же, это... деньжищи!»

Агафон снял картуз, утерев мигом вспотевшее лицо, и пошёл по городу Москве важно и чинно, как полагается чилавеку состоятельному и с положением в обчестве.

Пятая глава

– ... Егор Панкратов, четырнадцати лет, приговаривается... – губы судьи, зачитывающие приговор, шевелятся подобно двум жирным червям, но я не слышу, разом оглохнув и будто даже ослепнув. Перед глазами всё расплывается – слёзы...

Ловлю взглядом опекуна, кусающего губы и придерживающего обморочную Марию Ивановну, обвисшую на руках. Взгляд его виноватый и отчаянный, но я киваю ему решительно – всё будет хорошо, дядя Гиляй! Всё будет...

... коридор подземного хода, тянущего сыростью и холодом. Железо на ногах вытягивает остатки тепла, и ступни уже ледяные. Толчок в спину, и я касаюсь плечом обшарпанной краски, прикрывающей красный кирпич.

Камера. Сон, прерываемый по три раза в час, а днём – допросы по двенадцать-пятнадцать часов подряд, без возможности присесть или хотя бы прислониться к стене. Ни отдыха, ни глотка воды, и только лица сменяющих друг друга дознавателей – то спокойные, монотонно спрашивающие одно и то же раз за разом, то надрывающиеся в крике.

Напрягшиеся жилы на шее, слюна в лицо, бешенство в глазах жандармов. Когда наигранное, верноподданническое, а когда и настоящее – от того, что я упорствую, усложняю им работу. Всё равно сломаем! Отвечай!

Отвечай, отвечай, отвечай... Ловят на противоречиях, пытаются сломать психику самыми разными способами. Задают интимные вопросы о горячечных подростковых снах, да думаю ли я в таком контексте о Марии Ивановне? Наденьке? Фире? Сами же за меня и отвечают, смакуя грязные фантазии.

Я уже осуждён, но им нужен показательный процесс, нужны сообщники...

... либеральная интеллигенция, жидаы, инородцы, подозрительные иностранцы. Владимир Алексеевич, тётя Песя, Фира и всё, все, все.

Слышу разговоры жандармов, что будет громкий процесс. Большой. От меня не скрываются, и разговоры эти – часть ломки.

– Самодержавие не ограничивается правом, – интеллигентнейшего вида ротмистр расхаживает по кабинету с видом лектора, – наоборот – оно само его регулирует. Источник права в России – личная воля монарха!

Белые перчатки хлещут меня по щеке. Еле-еле, но я уже на взводе, и...

... сваливаюсь с кровати.

– А? Што?! – заполошился Санька, сев на постели и сонно лупая глазами, – Опять сны?

– Угу, – заваливаюсь на кровать, подтянув зазябшие ноги под одеяло. Но сердце колотится так, што ну не до сна!

Сажусь, нашаривая босыми ногами тапочки и стягивая с тумбочки часы. Щелчок... полпятого утра, можно уже и не ложиться. Пока оклемаюсь, пока то да сё, уже и вставать пора.

Потянувшись сонно, брат встаёт вместе со мной. Умываемся, просмаркиваемся и чистим зубы, не будя никого из домашних.

Чижик сонно плюхается на табурет возле кухонной печи, а я развожу примус и ставлю чайник.

– Што ж вы меня-то не разбудили, – укоряет выплывшая из своей каморки Татьяна, свято уверенная в том, што мужчины на кухне – сильно не к добру. Ишшо не рождение двухголового телёнка, но где-то рядышком со срывающим кровлю ураганом.

Несколько минут спустя мы едим яишенку на сале, да с грибочками и чем-то шибко секретным, но несомненно вкусным. Горнишная на скорую руку наводит какие-то блинцы, уже смазывая сковороду маслом.

Сон отпускает помаленьку, истаивая в наступающем утре, в запахах яишенки, в деловитой возне Татьяны, в сопении брата, сидящево по левую руку. Всего-то – страхи, разговоры многочисленных гостей Гиляровских о политике, да читанные мемуары о «деле пятидесяти»¹⁰, и...

¹⁰ «Процесспятидесяти» – судебное дело революционеров-народников, по обвинению в участии в «тайном сообществе, задавшемся целью ниспровержения существующего порядка», разбиравшееся в Петербурге в Особом Присутствии Правительствующего Сената с 21 февраля по 14 марта 1877 года.

... дежурящие у дома жандармы.

Третью ночь так вот – с кошмарами, неотличимыми от реальности, и жандармами под окнами. Не скрываются – напротив, давят на психику мне, адвокату, свидетелям и всем-всем-всем. Молох. Личная воля если и не самого монарха, то Великого Князя. Самодержавие.

Знаю, што стоит мне подойти к окну, отдёгнув занавеску, как увижу дежурящего внизу низшего чина от жандармерии. Чёрный вход, парадный... всё едино. Не прячутся под дождём, маячат так, штобы их всегда было видно из окон квартиры Гиляровских.

Давление. На меня, на семью, на свидетелей и общественность. Я – особо опасный преступник, и все эти действия подчёркивают, што в верхах уже всё решили. Такие вот дела.

Выглянув в окно, вижу моросящий дождь и унылую фигуру жандарма, стоящую у дровяного сарая во внутреннем дворе – так, штобы видно было из кухонного окошка. Жалко служивого? Прислушиваюсь к себе... а пожалуй, што и нет. Но нет и злорадства.

* * *

– ... за создание и распространение письменных или печатных изображений с целью возбудить неуважение к верховной власти, или же к личным качествам Государя, или к управлению Его государством.

Прокурор торжественно зачитывал текст обвинения, играя голосом как заправский актёр. Раздвоенная ево, тщательно расчёсанная на стороны борода подрагивает в такт.

– Кхе! Так же инкриминируется надругательство над изображениями императора и членов их семьи, в том числе умышленное повреждение или истребление выставленных в публичном месте портретов, бюстов.

– Кхе! Кхм! – бумага подрагивает в руке, – В распространении ругательных писем, бумаг или изображений, оскорбляющих правительство и чиновников.

Зачитав обвинительный приговор, обвинитель сел.

– Редкая гнида, – чуть повернувшись ко мне на деревянной скамье, шепчет Иосиф Филиппович, – большой поклонник Фукса и Дейера¹¹, как собственно и сам судья.

Киваю, и начинаю нервно напрягать и ослаблять пальцы ног в тесноватых прошлогодних полуботинках. Стараюсь сохранять хотя бы внешнее спокойствие, што даётся мне ой как нелегко!

Опрос свидетелей, каких-то невнятных, и в большинстве своём незнакомых мне личностей. Конкретики нет, лишь поток грязи и домыслов ради создания нужного обо мне настроения у присяжных.

– ... так ето, – оглядываясь на судейских и старательно

¹¹ Самые именитые «судьи-палачи» того времени. Дейер особо «прославился» припадками ярости во время заседаний суда, и крупными суммами «на поправку драгоценного здоровья» от правительства, которые он получал после каждого смертного приговора.

не глядя в мою сторону, рассказывал очередной свидетель, прижав картуз к груди, – это Конёк, ево на Хитровке все знают! Опасный, стал быть, чилавек, господин... етот... барин ево правильно назвал. Сициялист как есть! Они так все сициялисты, до единого! Сициялисты и мазурики, так вот.

– Протестую! – встал адвокат, – Мы не услышали ничего по предъявленным обвинениям!

– Протест отклонён! – и свидетель продолжил своё путанный рассказ, кося глазами в сторону одобрительно кивающего представителя обвинения.

– Мажут, – сев, коротко сказал Иосиф Филиппович, настроенный весьма боевито и ничуть не разочарованный.

– Ложечки нашлись, а осадок остался?

– Вроде тово, – усмехнулся старик, откинувшись назад с видом человека, сидящего в кабинете ресторана после хорошево обеда.

– Адвокату есть что сказать? – пожевав дряблыми губами, поинтересовался судья, выслушав свидетельские бредни с самым благосклонным видом, и подавшись вперёд так, будто говоря «– Ну-ка попробуй! Скажи!»

Иосиф Филиппович, нимало не смущённый столь открытым давлением, встал.

– Фарс!

... и сел назад.

«– Лучше тысячи слов!»

Судья застучал молотком, напоминая о неуважении к су-

ду, апоплексически ярясь и тряся отвислыми щеками.

– Если бы Герард Давид¹² присутствовал на этом суде, – громко сказал Иосиф Филиппович, – он бы написал не диптих, а триптих.

Судья побагровел ещё больше, застучав молотком. Присяжные зашептались, слышались нервные смешки на галерке.

Обвинитель дёрнул щекой, и...

– ... своими глазами видел, вот те крест! – новый свидетель, пожилой мещанин, истово перекрестился, а потом с ненавистью глянул в мою сторону, сощурившись близоручко, – На дерево облизьяной, а потом раз! И патрет! На шибенице! Я тогда не понял, а потом мне пояснили, што сие не демон на трупах пляшет, а сам Государь в таком обличы. У, злыдень!

Он погрозил в мою сторону сухоньким кулачком.

– Свидетель несколько горячится, – перехватил инициативу прокурор, – но я могу легко понять верноподданного, столкнувшегося с чудовищным... не побоюсь этого слова – вопиющим случаем! Случаем, от которого любой нормальный человек, не думая долго, закатает рукава, и возьмёт подвернувшуюся под руку сучковатую дубину, дабы гвоздить супостата без всяких дуэльных правил!

¹² «Суд Камбиса», или «Сдираение кожи с продажного судьи» – картина-диптих нидерландского художника Герарда Давида, закончена в 1498 году. Картина, написанная для зала судебных заседаний в ратуше Брюгге, была призвана напоминать о необходимости судить справедливо.

– И Отечественную войну сюда приплёл? – сощурился адвокат, с самым благодушным видом взирающий на Демосфена от прокуратуры.

– Он, кажется, близорук, – прошептал я адвокату.

– Да?! Ещё интересней...

– Благодарю уважаемого обвинителя за прекрасное знание отечественной истории, – с нотками снисходительности сказал Иосиф Филиппович, получив слово, – приятно, право же, знать, што современная молодёжь получила хорошее образование.

Пятидесятилетний представитель «молодёжи» усмехнулся кривовато, но смолчал, не вступая в полемику.

– Скажите пожалуйста, – ничуть не смущённый, Иосиф Филиппович обратился к свидетелю, – значит, вы сначала думали, што на сей картине изображён демон? Замечательно... могу я попросить внести наконец вещественное... хм, доказательство в зал суда?

Небольшая заминка, и продукт моего творчества внесли в зал на всеобщее обозрение. Присяжные зашушукались, среди публики послышались смешки.

– Художественная ценность... – присяжный поверенный пожевал губами, – не могу судить, но если пришлось растолковывать свидетелю, што на ней именно Государь... Я к слову, не вижу никакого Государя на этом... хм, холсте.

– Обезьяна, – с наслаждением проговорил он, – коронованная обезьяна, танцующая на трупах. Впрочем...

Иосиф Филиппович с сомнением оглядел сторону обвинения, и пожал плечами красноречивым видом.

– Проявите уважение к суду! – весьма не к месту застучал молотком судья. Адвокат, не оспаривая эти слова, ещё раз осмотрел парсуну Николая Второго... по утверждению обвинения...

Кошусь в сторону опекуна, тут же закивавшево мне, и киваю ответно. Держусь, дядя Гиляй! Держусь!

– Н-да... Представьте, – продолжил Иосиф Филиппович, – что я нарисую... допустим, осла¹³. Или обезьяну. И кто здесь оскорбляет Государя? Я? Или может быть, прокурор, ухитрившись увидеть царственные черты на этом... хм, полотне.

– Вы считаете Государя ослом или обезьяной?! – тон адвоката резко переменялся, и такой в нём был яростный напор, што прокурор отшатнулся и...

– Обезьяной?! – смена ролей резко ударила по чиновнику, и пока он, задыхаясь, подбирал слова, Иосиф Филиппович продолжил с экспрессией.

– Как можно продолжать этот судебный фарс, если прокурор считает Государя обезьяной?!

– Я, я...

– Неуважение к суду!

Казалось, судья сейчас выпрыгнет и вгрызётся оставши-

¹³ Начиная с осла, речь адвоката позаимствована (и творчески переработана) у Чуковского, а точнее, у его адвоката Грузенберга.

мися у него гнилыми зубами в морщинистую шею моего адвоката, такая в нём плескалась ненависть. В потухших глазах прокурора – понимание закатившейся напрочь карьеры и возможной отставки. Если повезёт – с пенсией.

– ... и наконец, – Иосиф Филиппович, снова вальяжный, вызвал основного свидетеля обвинения, – милейший Иван Сергеевич, вас не затруднит сказать, на каком расстоянии вы видели якобы моево подзащитного?

– Саженой двадцать, – опасливо отозвался мещанин, заробевший после увиденново.

– Замечательно! – восхитился адвокат, – Я рад, што вы смогли сохранить остроту зрения в достаточно преклонном возрасте.

– Господа, – обратился он к залу, – гимназический курс математики все помнят? Каково примерно размера будет голова человека на таком расстоянии? Замечательно!

Вытащив фотокарточку, он принялся отмерять шаги, и наконец – поднял её над головой.

– Запас видимости в вашу пользу, Иван Сергеевич, – сказал он, – я прошу вас только сказать – кто изображён на этой карточке! Ну хотя бы – мужчина это, женщина...

– Женщина, – брякнул щурившийся свидетель явно наобум.

– Ну... почти угадали, – согласился Иосиф Филиппович, – сука. Фотография моей любимой левретки Жужи.

Поднявший хохот не сразу заглушил стук молотка, и...

... оправдан по всем пунктам.

– Это ещё не конец, – пророчески сказал Иосиф Филиппович, закончив принимать благодарности и поздравления с видом олимпийца, уставшего от фимиама от простых смертных.

– Это ещё не конец, – повторил он, сощурившись, и в его выцветших старческих глазах, в самом тоне сказанных слов, мне почудилось, как наяву – облегчение. Облегченье человека, который смог – вот так, во весь рост! Пусть даже и на старости лет.

Шестая глава

– Я бился за каждый рубль! – патетически воздевая костлявые, веснушчатые руки вверх, и будто бы призывая Всевышнего в свидетели, – повествовал Лев Лазаревич, тигром расхаживая по полутёмной комнатке на задку аптеки, – За каждый наш шекель, за полушки и полугроши! Ни шагу назад!

Глаза ево сверкали по-кошачьи, а присыпанные перхотью пейсы развевались победными флагами. Воитель! Финансовый кондотьер, берущий штурмом чужие капиталы и успешно защищающий честно награбленное!

– Лев из колена Давидова, – усмехнулся я.

– Ой! – всплеснул руками компаньон, резко повернувшись ко мне, крутанувшись на пятках, как молодой, – Вам так смешно за деньги? Могу поторгованное отложить сугубо в свою, а не в нашу общую пользу!

Он чуть ссутулился и вытянул худую шею – чисто стервятник, готовый вот прямо сейчас броситься к столу с финансовой документацией, и душить мне фактами, как опытный бухгалтер с двойным дном. Тыкать сухими пальцами в аккуратно выведенные циферки, посылая оппонента в нокдауны собственной несостоятельности. Герой увлекательного мира ростовщичества и гешефта!

– Да шо ви такое говорите, Лев Израилевич?! – я выта-

рацился на него по обычаю Привоза, разговаривая не только языком, но руками и всем своим лицом так, шо куда там миму! – Как ви можете видеть странную насмешку там, где есть большое моё одобрение и искренне восхищение вашим неустанным трудом в свою и нашу пользу!? Ещё самую немножечко таких необычных для вашево народа мыслей и разговоров, и ви таки повесите у себе иконы, подружитесь с толстым батюшкой, и станете интересно говорить за погромы во время чая с мацой!

– Мне показалась ваша улыбка? – прищурился он, – Таки да или – извините, Лев Лазаревич?

– Улыбка радости и одобрения, Лев Лазаревич! – всплеснул я руками, деля большие еврейские глаза, – Где я могу горевать и хмурить брови домиком, когда ви говорите мне за прибыль!? Извините таки, шо я радуюсь, когда мне говорят за мои деньги в сторону прибыли! Ещё немножечко, и стану с подозрением смотреть на вам! В конце концов, кто из нас двоих жид, который должен подавать другому пример правильного отношение к шекелям?!

– Таки ой! Совсем обрусел, – компаньон мой потёр лицо, и уже с меньшим пылом начал рассказывать за антикварный бизнес. Прибыль таки да, но мы таки посовещались, и я решил пустить её в оборот и на пользу, а не хапнуть на карман здесь и сейчас.

Лев Лазаревич от моего решения пришёл в некоторый минор и вздыхание, но на прямой вопрос, а што с ним не так,

только сопел и вздыхал.

– Да всё понимаю! – взорвался он наконец, шумно выморкавшись в большой клетчатый платок, нервно теребимый руками, – Но это же не значит, шо мне нельзя погрузить о деньгах, которые будут не прямо сейчас в моём карманах, а когда-нибудь потом через может быть?!

После попив чаю с вкуснющими бейглами¹⁴, распрощался с компаньоном и евойной супружницей, выйдя из затхловаемой аптеки на свежий, но излишне сырой московский воздух. Порывистый ветер сразу бросил в лицо мелкие брызги, пахнущие палой листвой и немножечко дымом с конским навозом, и я сразу одел поглубже шляпу, натянув чуть не по самые уши.

– Постой-ка... – вцепилась в меня какая-то мешанка из ремесленных – совсем старая, чуть не пятидесяти лет, – милочка...

– А-а! – взывала она внезапно пароходной сиреной, когтисто вцепившись в рукав и потянув меня вниз...

«– Вы получили дебаф – оглушение!» – выскочило в подсознании не к месту, и меня будто шарахнули кулаком по голове, выбивая сознание. Нокдаун!

¹⁴ Бейгл – подобие баранок или бубликов. Особенность еврейских бейглов в том, что перед выпеканием их варят в кипящей воде по полминуты с каждой стороны. Это придает им характерную тягучесть и особенный блеск. Затем изделиям дают слегка остыть, щедро обваливают в маке или кунжутных семечках и запекают.

... – это ж тот! – орала она зажав меня в угол и обдавая нечистым дыханьем впополам с летящей слюной, – который против Государя анпиратора гадостное всякое! Вот он, люди! Смотрите на него!

Крутанувшись вокруг себя, пытаюсь вырваться и уйти, не схватываясь с бабкой напрямую.

– Убили! А-а! Как есть убили! – не прекращая визжать, бабка вцепилась в меня, повиснув всей тяжестью на руке.

– Ты чево это женщин забижать задумал? – шагнул ко мне добрый молодец, из охотнорядских по виду, закатывая рукава на волосатых руках, размерами и цветом напомнимший мне окорока. В маленьких, глубоко посаженных глазах цвета остывшево свинца, плещется медленно нагнетаемая ярость. А ещё радость и... боевое безумие.

«– Халк крушить!»

– Жи-ид! – бабка, войдя в раж и не заприметив добровольного помогальщика, сама заступила ему дорогу, ткнувшись согнутой костлявой задницей куда-то чуть выше колен, – От жида вышел! А-а! С жидами дела ведёт, супротив Государя!

– Тьфу на тебя, тьфу! – смачный плевок растёкся по моему лицу, и я, не сдерживаясь уже, толкнул старуху в объятия охотнорядца, вышагивая из угла и неистово вытирая лицо рукавом, сдираю слюну едва ли не вместе с кожей – до крови.

– Женщин... – радостно проревел добрый молодец, приняв бабку и тут же небрежно спихивая её в сторону, где она и завалилась набок на скользкой от влаги брусчатке, показы-

вая нечистые нижние юбки, – забижать...

Богатырский замах с плеча, рука отведена так далеко, будто охотнорядец вознамерился метнуть копье. Шаг назад, уклон... и кулак с гулом пролетел мимо моей головы, а охотнорядец по инерции завалился вперёд.

Кастет будто сам впрыгнул в руку, и н-на! По почкам, да весь свой невеликий вес, всю свою силу – от бедра, провернувшись на носке!

Тело свернулось калачиком, подвывая, а я уже спрятал кастет – как и не было. И только сейчас вижу – зрителей, свидетелей... досадливо хмурящийся полицейский в штатском и городской, только подносящий свисток к губам.

– Фыр-р! Фыр-р! – и гулкий топот тяжёлых сапожищ. Грузный городской, придерживая рукой отроду не точенную шашку, спешит ко мне, дуя на ходу в свисток и отчаянно раздувая выбритые до синевы толстые щёки. Усищи ево тараканьи дрыгаются в такт шагам. Бум! Бум!

Хвать! Выпученные от служебного рвения глаза с красноватыми прожилками, железные пальцы на моём плече, запалённое дыханье завзятово курилищика и выпивохи. Запах водки, лука, ваксы и крепкого табака.

Ждали.

Участок, составление протокола...

– Имя, фамилия, род занятий... – писарь заносит перо над чернильницей.

– Я! Я свидетель! – немолодой осанистый господин в боб-

ровой шубе ворвался в участок, распихивая не успевших увернуться служивых.

– Мы... ф-фу... с супругой прогуливались, и видели всё происходящее! Ф-фу... Проверьте этих двоих... молодчика с бабкой... ф-фу... на соучастие. Очень уж похоже на срежессированную сцену, мошенники какие-то!

В голосе благонамеренное возмущение честного и неравнодушного гражданина.

– В суде если понадобится, всегда пожалуйста...

Визитки – мне, полицейским... принимаю с благодарностью. Солидный человек, и што важно – не на государственной службе, то бишь – не надавишь.

Недовольное лицо агента в штатском в углу участка. То кривит губы, то собирает их куриной жопкой, двигая рыжеватыми усами. Недовольный. Сорвался с крючка нехороший я. И обещание в глазах...

«– До следующего раза, Враг Государства!»

... иль почудилось?

– Егор! – удаляюсь от полицейского участка быстрым шагом, подняв воротник и ощущая на лице этот вроде бы и вытертый плевок, в грудях всё кипит и клокочет, – Егор!

– А? – Оглядываюсь, и верно – догоняет кто-то. Долговязая фигура, знакомое лицо... – Ба! Сергей Сергеевич!

– Он самый, – знакомый ещё по Бутово скубент... хм, студент, догнал-таки, отчаянно при том запыхавшись и покрыв-

шись испариной, – А вы Егор...

– Кузьмич.

– Егор Кузьмич, – повторяет знакомец, протягивая руку, – вы не против разговора? Надолго мы вас не займём!

Ну раз ненадолго... Особо-то и тянет-то, говорить кем-то, но настроение такое, што ух! Остыть надобно, потому как не дело это, на домашних срывать.

В ближайшем извозчичьем трактире, полупустом по безвременью, заняли столик в углу, запросив чаю у молоденького полового в белейшей рубахе голландского полотна.

Старые знакомцы – Сергей Сергеевич и Анатолий, да двое молоденьких совсем – тока-тока из гимназии – Глеб и Андрей. Прыщи ещё юношеские не прошли, пух над верхней губой, необмятые студенческие шинели, новёхонькие фуражки на стриженных головах.

В рот Сергей Сергеичу, мало не как птенцы – только и осталось, што рты разязвить. А тот как должное принимает. Вождёнок!

Разговор издалека начали, с подходцем. Вспомнил Сергей Сергеевич бутовское наше знакомство, посмеялся снисходительно. Анатолий второй скрипкой в этом дуэте сыграл, и отменно фальшиво! Хехекал и улыбался сугубо после оглядки на старшево... да товарища ли?

– Что же вы, Егор Кузьмич, таили от нас в Бутово свои способности? – попенял мне Сергей Сергеич свысока, – Могли бы свести вас с нужными людьми – привести, так сказать,

к свету!

А в глазах такая снисходительность, такое чувство собственной важности!

«– Наше величество» – вякнуло подсознание, и я согласился – похоже!

– Да я и так... хм, на свету.

– Хе-хе! – Сергей Сергеич засмеялся, будто удачной шутке, грозя мне пальцем, и внезапно тяжело раскашлялся, совершенно чахоточным образом.

«– Эк тебя!» – и я опасливо отодвинулся чуть назад, откинувшись на спинку скамьи самым невоспитанным образом.

– К газете прибиться, это хорошо, – кивочек лёгонький свысока, вроде как одобряет, – но это не отменяет необходимость нормального образования, нормальной жизни...

Я ажно озадачился – никак не признал? Думает, што я при газете курьером? Однако... Не сразу-то и выдохнул удивление своё, а потом – да, не велика птица-то! Широко известен в узких кругах, так сказать. Никак не на всю Россию-матушку.

Даже и статейки после суда такие себе сумбурные и путанные вышли, што скорее – за или против, а никак не мою биографию печатали. Отношение к ситуации в целом, ко мне, к великолепной работе адвоката, но никак не о Великолепном Мне!

Посмеялся мысленно, а когда вернулся в реальность, то Сергей Сергеич моё будущее уже расписывать начал – ра-

дужными тонами, сугубо в своём понимании.

– ... нормально образование, да-с... Могу уверить, что года за два-три сможем вывести вас на уровень, достаточный для сдачи экзаменов за прогимназию.

– Э-э... простите? Я как бы... уже?

– Што-с? – подавился словесами Сергей Сергеич.

– Сдал. За прогимназию, – озадаченно морганье.

– Простите? – осторожно сказал Анатоль, снимая и протирая свои очёчки, как бы не те же самые, – Вы хотели сказать «В» прогимназию?

– Закончил экстерном.

– Замечательно! – воодушевился Сергей Сергеич, но как-то фальшиво, будто наличие у меня аттестата што-то ломало в его планах.

– Простите, – залюбопытничал Глеб, и очкастый Анатоль с долговязым Сергей Сергеичем уставились на него с таким искренним недоумением, будто их младший товарищ и не говорил до этого дня, – а не вашего ли авторства статьи Палестинского цикла?

– Мои, – соглашаюсь с ним, обхватив ладонями горячий стакан в подстаканнике.

Неожиданный поклонник стал выпытывать подробности путешествий по Святой Земле, а заодно – биографию.

... – английский, немецкий, французский, греческий, идиш, турецкий, иврит, арабский. Последние три не так чтобы и знаю – скорее могу объясниться, но никак не вести учё-

ную беседу.

Сергей Сергеич не мешает нашей беседе, вся его долго-вязая фигура напряжённо замерла в неудобной позиции, а в глазах прямо-таки мелькали мысли. И вот ей-ей – раздражает его мой успех, как есть раздражает! Были у него планы на гонимого меня... какие-никакие, а теперь через колено их ломает, приспособить пытается под факты. Нужен я ему, а вот он мне...

– ... волчий билет, – отхлёбываю чай, – так што с поступлением в гимназию и тем паче университет планов не строю.

– Можно же и так учиться! – горячо настаивает собеседник, – Поможем ему – так, Сергей Сергеевич?

– Составить планы занятий, подобрать литературу, – оживился тот, – познакомить с интересными людьми.

А в глазах снова расчёт на меня, но не в мою пользу. Видно такое – своеобразный холодок веет, и будто циферки мелькают. Я для него – функция, инструмент. Да собственно, как и товарищи, включая верного Санчо Анатоля.

– Да собственно, уже, – чувствую, фраза эта сегодня набьёт оскомину, – гимназический курс математики и физики уже прошёл, занимаюсь теперь по университетской программе.

– Думаю, – в порыве откровенности делюсь с Глебом, – по наступлению совершеннолетия, а может быть и пораньше, в Европе отучусь.

– Выходит так, – с грациозностью парового трактора вкли-

нился в беседу Сергей Сергеич – как человек, искренне уверенный, што «право имеет», – что власти не дают вам учиться? Вам – человеку, который научился грамоте по вывескам, а через несколько месяцев уже разговаривал и читал на двух иностранных языках?

Киваю...

– Замечательно! – он аж светится, но тут же спохватывается, – То есть лично для вас, разумеется, скверно! Но ваш случай может и должен стать примером того, как царизм относится к простому народу! Примером того, как талантливые люди, не являющиеся представителями привилегированного сословия, не могут получить нормального образования!

Голос его гремит литаврами по всему трактиру. Видно, што человек не хочет сдерживать себя – он из тех, кто готов всё и вся бросить на Алтарь Революции.

– Вы должны стать нашим штандартом, Егор, – он прерывает речь, хватая меня за руку и гипнотически вглядываясь в глаза, – Сейчас, именно сейчас выступить против Самодержавия! Громко, ярко! Разумеется, мы проиграем, но ваш пример...

– На хуй!

– П-простите... что? – Сергей Сергеевич неверяще смотрит на меня.

– На хуй пошёл, пёс! – меня ажно трясёт от ярости, – Своей жизнью ты можешь распоряжаться, как хочешь, но никогда не пытайся играть чужими!

– Штандарт, блять... – вцепляюсь руками в столешницу, потому как – ну очень хочется даже не кастетом, а ножом – по горлу. Так, чтобы кровиха веером разлетелась, – знамя ему... Должен! Я?! Для врагов – нет выше чести, как кинуть вражеский штандарт под ноги, а для тебя...

Столешница прогибается под пальцами, а перед глазами у меня – пелена кровавая.

...– как римского орла – жопой на кол? Штандарт?! Пусть сдохну, но воодушевлю... Пшёл, с-сука...

Компания вымелась из трактира, как и не было, и я медленно опустился назад. Найдя взглядом полового, поманил его одними глазами.

– Водки!

Седьмая глава

Пряча в серых глаза опаску, половой споро принёс водку и нехитрую закуску на подносе из разукрашенной жести. Запотевшая стопка водки, солёный огурец, одуряюще пахнущий травами и чесноком, и пара запеченных яиц с остатками золы на скорлупе встали на стол, споро обмахнутый полотенцем.

Решительно хватаю стакашок и...

... меня долго рвёт на выщербленные доски пола. Запах дрянной водки пробудил во мне всё, казалось бы, давно забытое. Сапожник с занесёнными кулаками, поглаживающий по бедру хитрованец с масляно поблёскивающими глазками...

«– Психосоматическое» – выдало подсознание.

– Ничего, вашество... – половой суетился с тряпкой, не показывая брезгливости, – сейчас я его... Не извольте переживать, оно от волнения... да-с... никак не от водки! Да-с! У нас, бывалоча, и купечество захаживает, и никаких, знаете ли, претензий!

Выхлестав остывший чай и прикусив огурец, я загасил-таки привкус желчи во рту, вытер рот поданным полотенцем и ушёл, к превеликому облегчению полового, оставив на столе серебряный рубль за беспокойство.

– Завсегда, да-с... – кланялся он, – рады-с... Только про-

щения просим – без таких вот, как эти господа. Одни неприятности от таких, просим прощения-с... Вам, стало быть, рады всегда, а ентим господам мы заповедуем, да-с...

Угукаю и выхожу из трактира, успевая краем глаза заметить, как половой, оглянувшись по сторонам, хлопнул украдкой оставшуюся нетронутой водку, и подхватив назад поднос с оставшейся закуской, заспешил на зады трактира.

Меряя шагами московские улицы, подставлял разгорячённое лицо дождю и ветру, перепрыгивал лужи и раз за разом переживал случившееся. Бабка это чортова... и не важно, провокаторша это полицейская или так... из верноподанных дур. Первая, так сказать, ласточка.

Глаза полицейского агента, обещающие скорую встречу... старуха-гарпия, да р-революционные студенты с Сергеем Сергеичем... Вождёнок, мать его!

Такие, ничтоже сумнящся, приговаривают к смерти даже и собственных товарищей – по малейшему подозрению, за недостаточностью рвеня, за пропажу пёсьей преданности в глазах. Не Революции им важна и тем паче не результат, а их место в Революции, строчки в учебниках, собственные бронзовые бюсты когда-нибудь потом, в светлом будущем. Фанатики, повёрнутые на идее и собственном величии. На идее собственного величия.

– А ещё чахотошный! – вырвалось у меня вслух, и я даже огляделся по сторонам, засмушавшись. Но, слава Богу, улица по непогоде пустая, и лишь редкие прохожие спешат, на-

тянув шляпы и подняв воротники, да жмутся под козырьками и навесами дворники и разносчики, дожидаясь окончания дождя.

Вырвалось и вырвалось, но почему-то – в голове занозой под ногтем застряло.

– Точно! – остановившись, прищёлкнул пальцами, и пошёл дальше, замедлив шаги. Личность психопатического типа, с болезненным самолюбием... и я, обложивший его хуями... а ещё страх, выметший всех четверых из трактира. Не простит! Не тот человек. И чахотка, то бишь не затаится, а может наотмашь – здесь и сейчас! Просто шток не одному помирать.

– Тьфу ты! – досадливо плюнув на растекающееся по пузырящейся луже конское яблоко, попытался убедить себя, што – ерунда всё!

Но как-то не убеждалось. Такие вот Сергеи Сергеичи, они за всё хорошее против всего плохого, но как-то так выходит, што борьба их ведётся вроде как против самодержавия, а по сути – с собственными товарищами. За место в иерархии стаи, за иное толкование священной для них идеи, за...

... и главное, падлы такие, не тонут! Как говно. Стреляют, утверждают приказы товарищам по движению, и живут, даже и с чахоткой. Только глаза гипнотически пучат, да речи произносят, свято уверенные в собственной нужности. А такие, как Глеб – под пули полицейских, на каторгу, в тюрьмы.

Домой пришёл совершенно мокрый, пахнувший рвотой и почему-то псиной. Татьяна, приняв чуть не насквозь промокшую верхнюю одежду и обувь, споро унесла их сушиться, ворча и причитая.

– Я ванну набираю, Егор Кузьмич! – донеслись безапелляционные её слова, и тут же раздался звук открываемых кранов в ванной, – И может, коньяку прикажете?

– Чаю! – передёрнул я плечами при одном упоминании алкоголя, и Татьяна, выказав глазами недоумение и несогласие, принялась хлопотать.

Несколько минут спустя я лежал в ванной, а на специальной подставке стоял стакан в серебряном подстаканнике, в котором плескался крепченый, едва ли не дегтярного цвета чай. Отхлебнув, поморщился чутка – сладкий! А знает же... Впрочем, как лекарство – самое то.

Днём коротал время, придумывая для Нади идеи к «Гарфилду», пытаясь пусть не забыть, но хотя бы – забить эмоционально произошедшее днём. Не думать, не вспоминать...

– Вот прям толстого такого? – не унималась Надя, – А не слишком?

– Для улыбки, – поясняю ей снисходительно, – штоб просто глянул на таково пузана, и губы сами вверх в улыбке поддёргивались.

– А...

Раздражённый бестолковостью девчонки, я объяснял, ри-

совал, предлагал идеи...

... а потом р-раз! А тревожности-то и нет! Просто – воспоминание неприятное.

– Спасибо, – остановив объяснение, говорю ей.

– Всегда пожалуйста, – бестолковая девчонка разом преобразилась в смешливую и немного ехидную интеллектуалку, которая не только пишет книги, издающиеся в шести странах, но и регулярно печатается в газетах, – братик!

– Хм... сестрёнка, – покатал я на языке и кивнул, глядя в спину Наде, собравшейся с альбом в свою комнату. А ведь и верно... сестра! Родней родных.

Тревожность окончательно ушла прочь, и грудь распёрло, как надуваемый воздушный шарик. Какой же я всё-таки счастливый!

Вечером Владимир Алексеевич, придя из редакции довольно рано, выслушал меня, задавая уточняющие вопросы. Санька, допущенный до серьёзного разговора, сидел тихой мышкой, сочувственно сопя на некоторых местах моего рассказа.

– В открытую, значит, – опекун пробарабанил сильными пальцами по подлокотнику, – хм... могут! Напортачили сами, а обидеться за своё скудоумие на тебя изволили? Эти могут... не впервой.

– Или повыше кто? – он задумался, мрачней и подёргивая ус, – Н-да... очевидно, што вероятно. Не факт, далеко не

факт... мелковат ты, как по мне, штоб Великий Князь...

– А пониже кто? – осведомился брат, – Сам бровкой повёл, и без всяких слов хотение исполняют.

Сказав, он тут же засмушался, и даже вжался немножечко в кресло.

– Очень может быть, што и да, – согласился Гиляровский с ноткой сомнения, – излишне ретивый... пожалуй. Есть категория служак, готовых впополам порваться ради одобрительного начальственного кивка. Тем паче... хм, других пополам рвать.

– Показать служебное рвение в деле, попавшем на вид начальству? – поинтересовался я, и дядя Гиляй кивнул в ответ, кусая задумчиво ус.

... – ещё и революционеры, – упавшим голосом сказал он несколько минут спустя, и мне стало неловко.

– Да ты тут при чём? – понял опекун моё состояние, усмехнувшись кривовато, – Просто один к одному всё, комом скаталось. Акция... пожалуй, што и нет. Не сейчас, по крайней мере. Не... острая. Уж поверь, я эту публику знаю получше. А вот нагадить, и крепенько, могут.

– Да хоть провокацию! – выпалил Санька, подавшись с дивана вперёд, – Што?! Вроде как от полиции нагадили, а сами в сторонке! Ты в тюрьме, у них – возможность в колокола бить, што самодержавие забижает...

– Обижает, – поправила его Мария Ивановна, вздыхая.

– ... обижает, – послушно повторил брат, – и этот Сергей

Сергеевич всё равно тебя через своё колено, под свою волю ломает. А?! Тут тебе и месть, и всё, што хочешь!

– Весьма вероятный сценарий, – захмурился Владимир Алексеевич, дёргая себя за ус, – дружный тандем полиции и революционеров,двигающийся в одном направлении, это достаточно серьёзная проблема. Не критичная в ином случае, но сейчас, пожалуй...

– Так! – он хлопнул ладонью по подлокотнику кресла, – Собирайся, поедешь...

– В Одессу? – оживился я, сразу вспомнив о Фире, тётке Песе и многочисленных приятелях и деловых партнёрах. Там-то небось ни одна полиция не достанет!

– Подальше, – хмыкнул дядя Гиляй понимающе, – и сильно. Соскучился? Дело молодое... Палестина, хм...

– Сергей Александрович, – подала голос Мария Ивановна, – председатель Императорского Православного Палестинского Общества, которое ведёт весьма деятельную политику на Святой Земле.

– Хм... – Владимир Алексеевич снова подёргал себя за ус, – Школы для беднейших слоёв населения, учительская семинария, обширный прозелитизм и благотворительность. Спасибо, Машенька, я это упустил из виду.

– Могут нагадить, – упавшим голосом констатировал я, – хотя бы по принципу ефрейторского зазора¹⁵.

¹⁵ В военной части стало известно, что в полдень приедет генерал с проверкой. Командир полка отдает распоряжение: "В одиннадцать часов утра всему лично-

– Ну-ка? – оживился опекун, и я рассказал. Посмеялись, сбросив напряжение, но Палестина – увы, отпадает. Тамошняя первобытная простота нравов может здорово аукнуться: донесутся слухи о нелюбви Большого Белого Сахиба из Москвы, и – чик ножичком по горлу! С полным осознанием правоты и надеждой на Большую награду.

– В Европу... – опекун задумался, – аккредитации тебе не дадут, а вот в места с несколько более простыми нравами – пожалуй. Как тебе Африка?

– Здоровски! – выпалилось у меня, – Всегда хотел!

– А... я тоже, – решительно сказал Санька, весь напряжившись и приготовившись отстаивать своё право на Приключение, – Мне, как художнику, очень важно...

Он ажно задохнулся, не в силах подобрать слова, и только умоляюще переводил взгляд с меня на Владимира Алексеевича и Марию Ивановну, сразу же поджавшую губы. Я тут же закивал, и мы вдвоём принялись гипнотизировать опекунов.

Женщина быстро сдалась, и только вздохнула, махнув на нас рукой.

– Ну вот и решено, – усмехнулся Владимир Алексеевич, – Великобритания снова бряцает оружием, на сей раз в Южной Африке.

– Полагаю, – сказал он тоном умудрённого человека, –

му составу стоять на плацу при полном параде и чтоб без опозданий". Комбат командует: "К десяти утра...". Командир роты: "К девяти..." и т. д. Байка заканчивается словами ефрейтора: "Чтобы в пять утра у меня каждый стоял на своем месте, и сна ни в одном глазу!"

дальше нескольких стычек дело не зайдёт, а дальше либо быстрая аннексия, и у Британии появится новый доминион, либо – возобладает здравый смысл, и буры удовлетворят требования Великобритании, не доводя ситуацию до критической.

– Да Бог с ними! – отмахнулся я рукой, – Даже и без военных действий африканский антураж должен понравится читателям.

– Ага! – поддакнул Санька, – Я собираться! Жаль только, Мишку Федул Иваныч и дед точно не отпустят! А было б здоровски!

* * *

– Кажись, налево, – задумался Пономарёнок, чиркая спичками и пытаясь разглядеть в подземельях Хитровки условные метки.

– Потуши, дьявол! – рявкнула взлохмаченная голова, высунувшаяся из какой-то щели, – спать не дают!

Мишка отскочил с колотящимся сердцем, схватившись за подаренный братом револьвер. Выдохнув и несколько успокоившись, он устыдился своего испуга и решительно свернул налево...

... заблудившись самым решительным образом.

– Штоб я ещё раз, – бухтел он себе под нос, пробираясь впотьмах по подземелью, – да без Егорки сунулся сюда? Да

ни в жисть!

Услышав поскуливание, Мишка решительно двинулся в ту сторону, здраво рассудив, што ни одна собака не станет по своей воле забираться глубоко по землю. И стало быть, либо она там с хозяином, либо недалече выход на поверхность.

Пару раз споткнувшись о валяющиеся под ногой булыганы, да вляпавшись ногой в кучу говна, неоспоримо свидетельствовавшего о близости жилья, подросток пошёл медленней.

– Терпи, – услышал он чуть погодя чей-то пьяненький голос, – я кому сказал – терпи!

И снова этот щенячий скулёж, от которого заходится сердце. Шаг...

... эта картина навсегда осталась в памяти Мишки.

За небедным столом – с самоваром, водками, баранками и колбасой, пировали несколько нищих. Скулил же ребёнок, мальчик лет шести. Стоя у края стола, он с белым от ужаса лицом смотрел на своих мучителей, но даже и не пытался вырваться из цепких пальцев. Только тоска да обречённость запредельная во всей его покорной фигурке.

Кривой старик с пропитым лицом потянул его за руку, и открыл краник самовара, обваривая кипятком тонкую ручку.

– Терпи, – ханжеским тоном сказал он дрожащему всем телом ребёнку, скулящему от нестерпимой боли и ужаса, –

Господь терпел, и нам велел!

Крепко вцепившись в ребёнка, старик раздувал широкие ноздри, будто впитывая страдания. На лице его появилось странное выражение...

– Лицо иму обвари, – пьяно сказал кривому старику один из калунов помоложе, – для жалостливости штоб!

Мишка сам не понял, как выдернул револьвер. Выстрелы во влажном подземелье прозвучали глухо. Дёрнулись ноги одного из нищих, пытающегося спрятаться за большим сундуком, и Пономарёнок, оскалившись совершенно безумно, добил его выстрелом в голову.

Чувствуя опустошение в душе и какую-то глубинную правильность своих действий, он перезарядил револьвер, тяжело дыша в пропахшем сгоревшим порохом воздухе подземелья.

– Пошли, – Пономарёнок протянул руку ребёнку, – я отведу тебя домой.

– У... тот заколебался, но дал руку, – у меня нет дома, я сирота.

– Теперь есть, – кривовато улыбнулся Мишка.

«– Дед уже старый, – подумал он со странной смесью цинизма и жалости, – тово и гляди помрёт. А так... глядишь, и поживёт ещё, коли будет о ком заботиться. И етот, мелкий... братом будет!»

Восьмая глава

Не отпуская руки найдёныша, Мишка добрался-таки до выхода из трущоб, и спорым шагом направился к ближайшему трактиру, который можно с натяжкой назвать пристойным, поглядывая тревожно на дрожащего всем телом мальчика.

– Мне б сметанки, – он протянул полтину до полусмерти замотанному трактирному мальчику, встретившему его у двери, – и тряпицу чистую, перевязать.

– Сию... – начал было мальчишка сонно, натянув на веснушчатое, будто засиженное мухами лицо, несколько щербатую, но несомненно вежественную улыбку, – ба-атюшки! Пров Василич, Пров Василич!

Лавируя меж пустыми столами, он унёсся в сторону кухни, откуда навстречу вышел немолодой повар, вытирая на ходу руки о фартук.

– Чевой это расшумелся, паскуда мелкая? – отеческий подзатыльник, от которого только клацнули молочные зубы ничуть не смутившегося таким приёмом мальчишки.

– С ожогом тута, сметаны просят и тряпицу чистую.

Повар мигом подобрался, и...

– Охти Божечки, – несколько секунд спустя причитал он, разглядывая тонкую ручку, на глазах покрывающуюся пузырями, – сейчас, сейчас...

Найдёныш был затащен на жаркую кухню, раздет догола с молчаливого разрешения Мишки, и тщательно осмотрен на предмет других повреждений, коих оказалось немало. Синяки, следы ремня и розог, ожоги от сигарок и какие-то странные кровоподтёки на теле, будто бы ево щипали с подвывертом.

– Охти... – повторил повар тоном одновременно жалостливым и зверским до предела, и тут же рявкнул столпившимся кухарям, – а вы чево встали?!

– Не серчай, Пров Василич, – не пугаясь, отозвался один из них, – чичас водички тёплой принесу, обмыть, а потом уже и сметану.

– Чево стоишь-то, ирод!? Живей!

– Я... – начал было Мишка, но тут же спрятал полтину назад. Нельзя обижать людей!

Несколько минут спустя найдёныш был вымыт, обмазан и перевязан везде, где токмо и возможно, а Пров Василич перестал хлопотать наконец, и внимательно глянул на подростка.

– Так... – дёрнул плечом Мишка в ответ, – братом будет.

Вздыхнув прерывисто, повар перекрестил их, и долго молчал, глядя из дверей вслед удаляющимся к солнцу фигурам.

– А вы чево встали?! – выверился он на работников, обнаружив их наконец рядом с собой, откровенно бездельничающими, – На кухню, живо!

Щедро раздавая тычки и оплеухи, он снова превратился

в тирана.

Поглядев на найдёныша и поймав ответный робкий взгляд васильковых глаз, Мишка задумался ненадолго, и вытащил сперва полтину, а потом и все невеликие деньги, што у него были с собой. Пересчитав, он решительно направился к извозчикам. До Замоскворечья, где живёт дед, не близко, малой не дойдёт, тем паче в таком состоянии.

– ... явился? – дядюшка, надёжно уперевшись в утоптанную землю двора крепкими ногами в добротных юфтевых сапогах и сцепив руки перед собой, вперил в Мишку неласковый взгляд, не пуская в дом, – Никак нужны стали?

Надтреснутый баритон полон яда, раздражения и... глухой тоски, даже какой-то мольбы. Увы... по малолетству и застарелой обиде за родителей Мишка не готов к примирению.

– Обхожусь, – оскалил кипенно белые зубы подросток, – в подмастерья портняжные вышел, да не твоими заботами. Деда позови. Ну! Скажи – внука ему нашёл.

– Да ты... – дядюшка смерил ево взглядом, потом перевёл глаза на малыша. Судорога исказила заросшее бородой лицо... иль показалось?

Мужчина без лишних слов скрылся в доме, шуганув любопытствующих домашних, и парой минут спустя на крыльцо вышел ветхий старик в старообрядческой поддёвке, шу-

рящийся подслеповато на внука.

– Дед, – колючий, кинжально щетинившийся подросток куда-то пропал, и старика обнял любящий внук, тяжело дышащий и смаргивающий слёзы.

– Я... вот, – отстранившись, – Мишка присел рядом с найдёнышем, – внука тебе нашёл, воспитывать. Со мной у тебя здоровски вышло, так вот решил ишшо воспитанника тебе найти.

– Как тебя зовут хоть? – спохватился подросток, наклонившись к малышу.

– Дармоед, – робко отозвался тот, глядя на нево через непролитые в глазах слёзы, – а ишшо Нахлебник.

И будто мороз от этих слов – до самых костей. А ребёнок застеснялся и заробел от внимания взрослых. Опаска в глазах, а ну как што не то сказал? Не так? И сжался.

– В приюте сказали, пока не запродали дядьке Никифору в нищую учёбу, што я Филипп, – выпалил он с облегчением и улыбнулся робко.

– Филиппок, значица, – старик неожиданно легко присёл перед малышом, – ну здравствуй, внучек.

– Дед? – распахнул тот глазёнки, – Де-да... я знал! Знал! Завсегда, што ты найдёшь меня!

Несколько коротеньких шажков, и ребёнок врезался в старика. Тонкие ручки обхватили старческую шею, и старик, чуть помедлив, обнял ево в ответ. Уткнувшись в седую бороду, мальчик ревел, несвязно обещая стать самым-самым,

только чтобы дед завсегда рядом! И столько счастья сиротского было в этих слезах...

Получасом позже в горнице собрались все домашние, и Мишка негромко, чтобы не разбудить заснувшее на коленях у найденново деда Филипка, рассказывал сокращённую версию произошедшего.

– Дело богоугодное, – выслушав молча рассказ, перекрестился дядька после раздумчивого молчанья, придавив взглядом домашних, – выправим документы, и станет наша семья чуточку больше.

И будто гнёт тяжкий с плеч спал, даже и дышать легче стало. Разговор было пошёл живее, и казалось бы – вот он, повод примириться...

... но нет. Подростковый максимализм и обида на умерших родителей, отрезанных в своё время от семьи. А ведь могли бы жить, если бы не... Просто в нужное время не оказалось рядом тех, кто готов помочь

... и начётническая упёртость главы семейства, привыкшего держать домашних в кулаке, ломая их «хочу» через своё понимание «надо».

Так и разошлись – с глухой тоской и обидой. Не примирились. Не в этот раз.

Срезая по дворам где-то можно, Пономарёнок торопился вернуться в мастерскую. Волнуются небось! Сунулся на

Хитровку, да и запропал, тут небось любой заволнуется!

И чорт ево дёрнул пойти...

Мишка мысленно одёрнул себя – нет, никак не чорт! Ангел нашептал, не иначе! Братика нашёл, пусть даже и такой ценой.

«– А вот ни жалею! – вспоминая убитых, ожесточённо думал он, будто ведя диалог с кем-то неведомым, – Потому как не люди это, ни разочка не люди! Бесы в человеческом обликии, вот ей-ей!»

Ближе к дому он совсем заспешил, потеряв всякую осторожность.

Тяжёлый толчок в спину... и сильные руки, подхватившие ево накрепко, вывернув локти за спиной. Мишка забился пытаясь вырваться, безуспешно лягаясь ногами.

– Етот? – хрипло поинтересовался похититель.

– Ён самый! – Подростка обдало запахами нечистого, давно немытого тела, водки и табака, – Рази упёр имущество наше самодвижимое, то стал быть, сам таким станет, хе-хе! Ручки-ножки поломаем, язычок подрежем, и будет христардничать до нескорой смертушки! Хе-хе...

Поняв, какая судьба ево ждёт, Пономарёнок рванулся изо всех сил... и ничево не добился.

– Шустрый, – со смешком в голове сказал похититель, и подростка приподняли в воздух, выворачивая руки, как на дыбе.

– По... – тяжёлый удар вбил слова назад в лёгкие, и под-

росток обвис, плавая полуобморочно в боли и нехватке воздуха.

Внезапно хватка ослабла, и Мишка, несмотря на проваливающее в небытие сознание, собрался с силами и рванулся... Вырвался!

Приставленный к боку громилы револьвер кашлянул почти беззвучно... но тот уже заваливался вперёд, закатив остекленевшие глаза.

Перекат... но представителя нищей братии уже взял в оборот Котяра.

– Жив? – бегло поинтересовался шулер, вытаскивая нож из уже мёртвого тела.

– Вроде, – кривовато усмехнулся Пономарёнок, вставая на подрагивающие ноги, – Охти... Благодарствую!

Он низко, до земли поклонился, и еле потом разогнулся, такая нашла слабость.

– Брат моего друга – мой друг, – без тени фальши отозвался Котяра, оттаскивая трупы с прохода, – Валим!

– Рассказывай, – приказал шулер, когда они отошли, запутав предварительно следы и закидав их несколько раз смесью тёртой махорки и перца, основательный запас которой всегда был в карманах предусмотрительного уголовника.

А то! Вернейшее средство хоть от собак, а хоть и от людей! В рожу кинешь, так небось долго прочихиваться будет!

– ... та-ак... – Котяра потёр лицо, и решительно развернул Мишку в сторону от дома, ускорив шаг, – калуны, значить?

– Ну, – Пономарёнок споро перебирал ногами, не понимая сути происходящего, – они самые. А што, всё серьёзно?

– Ф-фу... более чем, Миша, более чем, – шулер серьёзен и мрачен, – домой нам нельзя. Ни тебе, ни мне. По крайней мере, не в ближайшее время.

– Да это же... – вздыбился было Пономарёнок, и тут – разом, рассказы Егора вспомнились, и волосья дыбом по всему телу.

– Вспомнил? – оскалился в усмешке Котяра.

– Да-а... Корпорация, да?

– Вроде тово, – дёрнул плечом шулер, – лучше с кем из Иванов поссориться, чем с ними. Ивановы, это так... серьёзные люди, но они...

Он пошевелил пальцами, не сбавляя шаг.

– ... конечно. Понимаешь? Один, два человека, дружки, покровитель может быть в полиции, а может и не быть. А эти... корпорация! Вроде как крысы чумные, и концов не найти! Деньжищи – бешеные, и всем – на! Понимаешь? Полиции, Иванам, господам из тех, кто...

– Я понял, – прервал его Мишка, проникшийся серьёзность ситуации и испугавшийся даже не трупов, а столь быстрой и жёсткой реакцией на них. Эвона! Двух часов не прошло, а уже знали – што, кто, и засаду устроили, да небось и не одну.

Серьёзная организация, как ни крути. А вспомнить если, сколько денег такой мальчишка, тянувший покалеченные

ручки к проходящим в церкву добрым христианам, может принести за год своим хозяевам, то и сам испужаешься.

Котяра – серый от страха, хотя держит лицо, и ни словечка упрёка, ни тени сожаления на лице.

«– За Филиппком в Замоскворечье не сунутся, – промелькнула у Пономарёнка мысль, – может и самому? Повиниться...»

Мысль эта показалась такой трусливой и недостойной, што подросток решительно выбросил её прочь из головы, приказав себе забыть! Ишь! Без вины виниться?!

– В Одессу? – хмуро поинтересовался он, сдерживая нервную дрожь.

– Как минимум, – криво усмехнулся шулер, дёрнув уголком рта, – Я не последний человек, да и через Егора можно было бы порешать эти вопросы. Не сразу. Сильно не сразу. А пока – руки в ноги, Миша!

– Егор с Санькой в Африку, – вздохнул Пономарёнок, – а мы...

«– Прощения прошу, Федул Иваныч, и кланяюсь низко с благодарностью за всё хорошее, да виноватюсь заранее за всё плохое, – щурясь, портной не без труда разобрал письмецо, написанное второпях пляшущим почерком, да как бы не на коленке, – а особливо за то, што втягиваю вас невзначай в свои неприятности.

Только вляпался я, да так, што бежать пришлось, безо вся-

кой назад оглядки. Скажу сразу, што совесть моя чиста, и греха за собой не знаю, так што за душеньку мою можете не волноваться.

Што и как – уж простите, но не открою, потому как дело ето такое, што от вашево в нём знания мастерская может загореться ясным пламенем, да и вы в ней, поленом с улицы подпёртые. А письмецо моё сожгите, деду же на словах передайте, што так мол и так, решил ево непутёвый внук попутешествовать, и вернётся как только, так сразу!»

Прочитав письмо, Федул Иваныч вздохнул прерывисто, и повернувшись к старообрядческой иконе, начал истово молиться за путешествующего отрока Михаила, проговаривая знакомые с детства слова.

Девятая глава

Прогуливаемся себе с Фирой и Санькой по Балковской фланирующим шагом никуда не торопящихся людей, и везде – одни сплошное здрасте!

Кажется, будто вся Одесса знакомая, малознакомая и совсем незнакомая вышла на поздороваться специально для нас, и кое-кто из встреченных, вот ей-ей, совсем издали пришёл ради поприветствовать и поглазеть. Такой себе моцион из любопытства и стадново чувства.

А кто не вышел, те глазами из-за занавесок, да рожами любопытными в окнах приплюснулись, не стесняячись вот ни разочка. Интересно им!

Одесса такой своеобразный город, што лёгкая фронда к действующей власти заложена в нём с самого основания, в фундамент каждого дома. Вместе с названием греческим, идеи эллинской демократии ненароком принесли.

Вроде как подошёл выразить почтение очередной полужнакомец, и самую немножечко теперь оппозиционер, демократ и социалист. Можно собою чуточку гордиться, и поводить выразительно узкими плечами, намекая на нешутушную храбрость и почти што акт граждансково неповиновения властям.

А кому храбрости подойти недостаёт, но сильно хочется иметь хоть какой-то повод для погордиться собой хотя бы

наедине и перед домашними, те издали шляпу приподняли, улыбнулись приветливо-многозначительно, и вроде как тоже – поучаствовали. В чём-то там. Оно с одной стороны и смешно такое, а с другой – настроения.

К порто-франко¹⁶, как ни крути, а самые крохи политических свобод и ростков демократии прилагаются просто по определению, и без них ну вот совсем никуда! Потому как не выйдет – одними только административными мерами да чиновничьими распоряжениями решать судьбы такого города. Циркулярно.

Город перестал быть порто-франко, а светлая память о том осталась. Об экономическом росте – небывалом не только в Европе, но и в мире, помнят. И о свободе – слова, предпринимательства, или – взглядах, далёких от высочайше утверждённых.

Не забыли ещё, што когда-то было можно иметь мнение, идущее вразрез с государственным. Живы ещё те, кто застал золотые для города времена. Свидетели эпохи.

Теперь же всё, закрутили гайки, чуть не до срыва резьбы. А у свидетелей этих есть дети и внуки, выросшие на рассказах о недавнем величии и демократии. Часто, и очень – преувеличенных.

Большинству свобода эта и не особо-то нужна, до поры.

¹⁶ Порто-франко (итал. porto franco – свободный порт) – порт (или его определенная часть, порто-франковская зона), пользующийся правом беспошлинного ввоза и вывоза товаров.

И порядок с бдительным рослым городовым вроде как даже и устраивает. Уютная такая картинка безопасности и имперской мощи.

А потом р-раз! Глянец безопасности оказывается вблизи совершенно облупленным и потрескавшимся, полицейский – взяточником некомпетентным и мордобойцем, а мощь имперская в парадах только видна, да на верноподданнических открытках. Ур-раа! Раззеваются бездумно многожды битые унтером солдатские морды. Ураа!

А тебе – лично, мешают гайки закрученные, прикипевшие намертво. И раздражение от этой власти, будто от тесного, дурно сидящего костюма. Жмёт, натирает, давит... а другого то и нет! Зато есть желание – если не приобрести новый костюм, так надставить старый. По фигуре.

Понимаю, всё понимаю! Здравальщиков этих, взгляды издали.

Но раздражает. Потому как одно дело – понимать, а другое – когда сам чуточку символ. Не штандарт римский жопой на колу, но вроде как застрельщик. Бегаю по полю ещё не начавшегося толком боя, и все глаза вражьи – на мне, да через прицелы. Страшно!

И неприятно, потому как у врага – войско, а у меня – эти, со шляпами. Сочувствующие. Вроде как и не выпихивали они меня вперёд, и оно само так вышло, а вроде как и нет. Не выпихивали, но за спиной сгрудились, спрятались. Само

по себе, но вроде как и за них всех воюю. Внезапно.

Да и понимание это, оно вроде как и есть, но есть и ощущение, што они – все вокруг – чёрно-белые фотографии. Несколько шагов по Балковской... и будто страницу в альбоме перелистнули с дагерротипами выцветшими.

А мы втроём вроде как прогуливаемся, а вроде как – альбом листаем, и люди вокруг – не вполне настоящие, не живые...

«– Черно-белая кинохроника минувшей эпохи, – откликнулось подсознание, – людей уже нет, есть только видимость жизни»

... и мороз по коже.

– Добрый день, молодые люди, – прервав мысли, уверенно подошёл знакомый репортёр и раскланялся, ревматично оттопыривая упитанный зад в давно тесноватых брючках. Приложился к воздуху над Фириной ручкой, смешно шевеля нафабранными, завитыми в колечки усиками, и девочка ажно покраснелась от такого взрослого знака внимания.

У меня внутри заворочалось глухо што-то тёмное, животное... но Фира от смущения прижалась ко мне чуть тесней, и Тот-кто-внутри, рыкнув довольно, улёгся поудобней, засопев умиротворённо.

И отлегло. Снова – живые среди живых, а не кинохроника с мертвецами.

– День добрый, – нестройно отозвались мы со всем нашим вежеством, но без особого воодушевления.

– Не найдётся ли у вас самую чуточку времени, – продолжил он южной скороговоркой, поправив тонкой тросточкой шляпу-котелок и улыбаясь просительно, – для небольшой беседы со старым знакомым?

– Если только чуточку, Андрей Ильич, – без особого воодушевления согласился, покосившись выразительно на пошловатую рукоять трости, в виде грудастой сирены само-во проститутошного вида, – или может быть, лучше прогуляемся вместе с нами?

– С превеликим удовольствием! – отозвался он, заулыбавшись во всю ширь выбритого до синевы лица, и пряча тросточку за спиной, показав глазами виноватость и понимание неуместности. Расспросив о подробностях суда, эмоциональных переживаниях и тому подобном, Андрей Ильич ушёл, раскланявшись на ходу, поспешая в редакцию.

– Шакал пера, – неприязненно высказался Санька вслед, на што я только плечами пожал. Кушать-то всем хочется! Сейчас в Одессе такой сонный период случился, што и я за интерес всему городу сошёл. На безрыбье.

Такое глухое межсезонье выдалось, што даже и удивительно! Тамбов какой-то, право слова, а не Одесса. Сонно, чинно, и ни тебе светских сплетен, ни войн между бандами, ни даже вскрывшихся панам, што и вовсе удивительно.

Сам репортёр, и потому не то штобы одобряю, но всё ж таки понимаю, да и не все мои коллеги имеют капиталец, позволяющий не задумываться о заработке, а творить по своему

разумению. А тут хоть и коротенькая, хоть и не на первой полосе, но заметочка рубля на полтора, ну а при некоторой удаче – статейка на трёшницу.

Ну и Фира, она в такие минуты отчаянно мной гордится! Ручку свою маленькую мне на сгиб локтя положит, выпрямится, и стоит такая гордая-гордая за меня!

Я ж детали из страшеньких ей не рассказываю, а если и да, то чаще – в юмористическом ключе, с усмешечкой. Дескать, всё хорошо! Под контролем!

Потому как она и так переживает. Рассказываешь што-то, ну хоть о драчке с тем... из полиции филером! Корноухим. Бледнеет, кулачки сжимает, сама мало не в обморок! А все-то... Вот как тут што серьёзное, а?!

Санька в очередной раз вздохнул еле заметно, уставший от такого зоопаркового выгула, но я ему глазами – терпи! Вчера приехали, завтра уедем, так што всё время – Фире! Ну и немножко приятелям здешним, не без этого.

Он-то может и отдельно, но раз уж вышел вместе с нами на променад, то до конца! Морду лица умную сделал, и вперёд.

Санька понял мои выразительные глаза, выпрямился и сделал физиономию английского денди, то бишь рожу, соперничающую по выразительности с кирпичом. Кивнул ему еле заметно, но вполне одобрительно, и снова – здрасте с променадом.

Назад пошли под самый вечер, когда вся Одесса из всех желающих выгулялась на нас, поздоровавшись шляпами и

показав умеренную, и потому безопасную оппозиционность.

Фири о своих девчоночьих делах на ходу рассказывает, об учёбе, каблучки ботинок по брусчатке цокают иногда – устала, значица. Выгул такой все бабы любят, но и они устают, потому как тоже человеки. Под чужим вниманием держать себя, да часами притом, это и для них тяжко. Хоть и лестно.

А я млею. Ручка Фирина на сгибе локтя, головка красивая ко мне повёрнута, и што она там говорит... лишь бы говорила! Всё интересно, всё – важно. Лишь бы вот так, с продетой в локоть рукой, с касанием плеч.

– Ой, – спохватилась она виновато, – тебе это не слишком интересно!

– Почему же, мне всё о тебе интересно!

Засмушалась... и я почему-то. Помолчали чутка, и снова – о делах своих девчоночьих, о знакомых одесских, о своих мыслях, книгах читанных. Расскажет што-то, и на меня глазами этак... легко и лукаво, и краснеет чутка. Но без стеснения, а... не знаю, но правильно как-то, вот ей-ей!

Барышня совсем уже! Круглиться в стратегических местах ещё не начала, но намёки на то уже есть, да и шутка ли – тринадцать годочков! Сниться в горячечных снах пока нечему, а вот годочка через два-три будет такое ой!

У меня от этих переглядываний будто пуговица верхняя расстегнулась на душе, и снова – любимый город, а не променад зоопарковый на потеху полупочтеннейшей публики. А воздух-то, оказывается, вкусный! Морем Одесса пахнет,

портом, листвою увядающей. Фирой.

«— Ах, Одесса, жемчужина у моря...» — замурлыкало у меня в голове.

— А мы вот... — выглянул вперёд Мишка из-за тётки Песикова плеча, — с Котярой.

И глаза такие виноватые-виноватые, и в тоже время — отчаянные. Я сразу и понял — случилось што-то, да такое себе непростое, што расхлёбывать будем долго, и всем кагалом притом.

Засели в мастерской моей полуподвальной, на поговорить. Женщин в такое не втравляем, потому как даже самые лучшие из них — всё равно бабы! У них язык отдельно от разума, да и переживают сильней нас, мужчин. Так што и нечево тревожить!

Мишка с Котярой уже накормлены, отодрались в тазу проволочной жёсткости мочалками опосля путешествия то третьим классом, то под вагонами, потому и не второпях разговариваем.

— ... ну и, — взгляд у Мишки виноватый, — рука сама за револьвер, вот...

— Не винись, — сразу делаю отмашку, — никто бы из нас мимо не прошёл, потому мы и побратались.

Вижу краем глаза, как еле заметно вздохнул Котяра, ссутулив плечи и закусив губу. Ну... с ним потом поговорю. Он на Хитровке вырос, с титешного возраста и не такое видел

как само собой разумеющееся. Привык! Чудо, што вообще человеком остался, с которым дружить не зазорно.

– Ещё один брат появился, значица? – порадовался светло Чижик, – Дельно! Прирастаем!

Мы засмеялись негромко, переглядываясь без слов, и как-то так легко на душе стало! Да, проблемы. Но новый, пока ещё не виденный, но уже любимый брат – это здорово!

– Што сбегли без оглядки, то и правильно, – одобрил я их поступок, – Ты, Котяра, молодец большой, верно сделал. Калуны эти, и вся нищая братия, они долгой памяти не имеют, и разум у них – стайный!

– Порешаю... хм, вопрос, – я задумался над решением проблемы, склоняясь всё больше к жёсткому варианту. Посоветуюсь с Сэменом Васильевичем, но... но попытку даже не убийства, а изуродования Мишки, оставлять нельзя.

С убийством они не то штобы в своём праве... но скажем так, рядышком где-то. А уродование такое... нет, нельзя прощать. Ответить надо, образцово-показательно.

Сэмена Васильевича ждали к ужину, и он таки пришёл. Поцеловав руку раскрасневшейся хозяйке дома, пожал нам, и снова сделал многозначительные глаза на тётю Песю. Та в ответ покраснелась ещё сильнее, и застесняла лицо за полотенцем.

– Я таки понимаю, шо у нас скоро образуется новая ячейка общества? – поинтересовался я у Фиры громким шёпотом.

– Ой! – отмахнулась от mine полотенцем тётя Песя, не дав дочке сказать своё мнение за маминого хахеля, – зачем портить браком такую хорошую дружбу?!

– Я таки за, – вздохнул Сэмен Васильевич, – но Песя видит слишком много сложностей там, где их и без тово есть!

Песса Израилевна поделала бровки, но отмолчалась, а мы не стали лезть в чужие тараканы.

– Ты всегда так легко с руссково на одесский перескакиваешь? – поинтересовался тихохонько Котяра, усаживаясь за накрытый стол.

– Хм... даже и не замечаю перескока, – признался я честно, – просто р-раз! И будто по щелчку, под собеседников подстраиваюсь, да и мысли в ту же сторону ускакивают.

– Ой... – часом позже сказал я, отваливаясь от стола и отчаянно борясь с желанием расстегнуть пуговицу на брюках, – оставлю немножечко места для сладково.

– Да расстегни ты их, – поняла почти тётца мои мучения, – или я буду думать, шо плохо тебе накормила, и не спать всю ночь, переживая за свои таланты хозяйки!

– Таки да, – согласилась с мамеле Фира, сдерживая улыбку, – бруки на подтяжках и потому не спадут, а если ты мне и нас внезапно застеснялся, то сделай этот жест на веранде, куда вы собрались поговорить и покурить.

Нарочито молдаванский говор Фиры, имеющей весьма грамотную речь по своему хотению, несколько разрядил нас и обстановку. Расположившись на веранде, поведали Сэмену

Васильевичу о делах непростых, а местами так даже и сложных, поглядывая иногда на женщин, хлопочущих на кухне.

– Пф, – сделал он губами, выдохнув следом клуб раскуреново дыма, – это проблема не из тех, которые не решаются, но из-за настойчивого интереса полиции придётся делать всё аккуратно и через деньги.

И на mine глазами. Киваю в ответ, и Сэмен Васильевич несколько секунд меряется со мной взглядами. Понимаю ли? Понимаю...

Последствия осознаю, принимаю, и как именно прошу проблему решить – тоже. Не только и даже не столько он. Иваны знакомые, Лев Лазаревич... жёсткий будет ответ, очень жёсткий.

И недешёвый, да... притом сугубо за мои деньги. Не потому, што у них жадность, а потому што – равные права. Партнёрство.

Решать же свои проблемы за чужие деньги, это признать чужое старшинство, со всеми втекающими и вытекающими.

Наши переглядывания если кто понял, так только Котяра. Браты, они хоть и ориентируются на Хитровке, но глубоко в эту грязь погрузиться им не даю. Незачем.

– Порешаем, – согласился расслабившийся Сэмен Васильевич, – Сами-то што?

– Ну... – Мишка с некоторым даже недоумением пожал плечами, – в Африку, куда ж ещё.

Котяра закивал решительно, глядя на меня отчаянными

глазами.

– Куда ж, – хмыкнул почти родственник, окутавшись клубом дыма, – много куда можно, но я таки понял, шо вам приспичило до Африки, как по большой нужде с отчаянным нестерпёжем.

– Документы бы, – нерешительно попросил Котяра, – деньги есть. Хм, будут, с собой нет.

– Документы... с этим могут быть сложности, – задумался Сэмен Васильевич, – я таки понимаю, шо молодым человекам охота вернуться потом на прежнее место жительства?

– Мне – да, – решительно отозвался Пономарёнок, нервно выпрямившись в кресле качалке, отчево оно пришло в движение.

– Мне... – Кот задумался, – всё равно, пожалуй.

– Я таки сильно сомневаюсь, шо вам всё равно, – язвительно отозвался тётки Песин хахель, – потому как могу устроить паспорт турецкоподданого! Устроит?

– Жидом? – уточнил друг.

– Угу. Ну как?

– А хоть какая-то польза от жидовства моего паспортново будет? – заинтересовался Котяра, но сразу видно – с сугубо образовательным интересом.

– Пф... не особо, даже если и гиюр¹⁷ примете. Или ви таки думаете, что с обрезанием приобретёте внезапно много лю-

¹⁷ Гиюр (ивр. גִּיּוּר) – обращение нееврея в иудаизм, а также связанный с этим обряд.

блящих родственников? Если думаете, то вам это таки только кажется!

– И как тогда? – озадачился Мишка.

– Пф! Контрабандой! – отмахнулся Сэмен Васильевич, – Поедете таки со всеми удобствами третьим классом, где надо – вылезете, и ой! Я таки в тесном трюме зайцем туды-сюды добрался! А шо с братьями и друзьями на одном пароходе, так то совпадение!

– Не придерутся? – с опаской, и как выяснилось – за mine, поинтересовался Мишка, – Скажут, што это... соучастие.

– Не-а! – отозвался я тоном знатока, – Тот случай, когда все всё понимают, но хрена с два докажут!

– Ну, раз так, – брат успокоился совершенно, развеселившись, – то вроде как в трюме поеду!

* * *

По случаю хорошей для осени погоды стол накрыли на веранде. Сытные мясные запахи разлились по увядающему садику, став симфонией осени и счастья.

Большое, во всех смыслах большое еврейское семейство расселось по своим местам в ожидании трапезы. Ёрзая и поводя носами, они ждали, не смея поторопить хозяйку. Наконец, в центр стола встала увесистая кастрюля, и дюймовые доски скрипнули жалостливо под нешутошной тяжестью.

В миски, больше напоминающие не слишком глубокие та-

зы для варенья, мать семейства разлила щедрые порции до самого верха, и садик наполнился звуками работающих челюстей, способных в равной степени перемолоть яблоко и бараньи рёбрышки. Без заминки!

– Саню в городе видели, – сосредоточенно работая челюстями, сообщил Самуил, первым закончив со своей порцией, и протянув матери миску за добавкой.

– Это которово? – оторвавшись от рагу и подвинув поближе плетёную тарелку с нарезанным хлебом, вяло поинтересовался отец семейства, габаритами и волосатостью похожий на слегка вылинявшего медведя, – У тебя дружков пол Одессы, и Санек среди них не один десяток.

– Который Рувим-вот-те-крест, – отозвался за брата Товия, протягивая матери тарелку за добавкой, – в Африку с братом едут.

– Зачем? – поинтересовалась мелкая Далия. Впрочем, как мелкая... по возрасту да, а так – вся в папу!

– За алмазами и приключениями, – отозвался десятилетний Натан, поглядев на сестру с видом полного превосходства.

– Егор, – не прекращая жевать, отозвался Самуил, – ну... который Шломо и Еврейский Зять...

– Да мы таки поняли, – пробасила мать, заинтересованно прижав к объёмистой груди объёмистую кастрюлю, не замечая её веса, – ты дальше говори!

– Егор как обычно – вляпался куда-то...

– В политику! – поправил его брат, – Императора повесил!

– Да ну! – ахнула мать, приготовившись слушать.

Не сразу разобрались, шо не самото, а портрет, но разговор про то вышел таки интересным! Вроде и говорили об этом соседи, но одно дело – через слухи, и другое – от непосредственно тех, кто делал!

– ... репортёром, – повторил Самуил, – а Санька – пейзажи писать!

– Репортёром! – хмыкнул Натан, уворачиваясь от братниного подзатыльника, – Он в Палестину тоже репортёром ехал, и таки да! Но ещё и с прибылью!

– Хм... – отец семейства задумался, и дети почтительно замолкли, потому как – воспитание через ремень, оно ж веками!

– С прибылью, говоришь?

Он оценивающе оглядел на подобранных близнецов и кивнул довольно.

– Мать! – пробасил он решительно, – Собирай мальчиков в Африку!

Десятая глава

– Бурские войска перешли границу! – истошно заорал над ухом писклявый мальчишка-газетчик, приплясывающий с кипой периодики у трапа. Поправляя то и дело сползающую феску, он уворачивался от матросского ухощания с нешуточной ловкостью, выдающей давнюю привычку, – Правительство Трансвааля...

– Шломо¹⁸! – колыхаясь жирными телесами, к нам заспешили Бляйшманы, раздвигая толпу встречающих как два айсберга, взрезающие волны, – Рувимчик!

Пронзительностью их голоса несколько уступали турчонку, но вот громкость – сирены пароходные! Мальчишка покосился не без зависти, представляя – какие у него были бы доходы на ниве газетных продаж с такими-то лёгкими, и завопил ещё истошней, будто соревнуясь из уязвлённого самолюбия.

Бляйшманы, не обращая внимания на тщетные потуги турчонка переорать их, переваливаясь по пингвиньи, заспешили к мне и нам. А победительный взгляд мужчины, кинутый в сторону посрамлённого мелкого оруна, наверное почудился.

¹⁸ Специально для любителей или НЕ любителей «Израиловки»: еврейский колорит в книге будет встречаться, но на вторых-третьих ролях, сугубо для сюжета и антуража.

Широко распахнутые руки, шаг... и с размаху к объёмистой волосатой груди – н-на! Только челюсти клацнули, да лицо размазалось об телеса делового партнёра и ево чесучевый костюм.

Обнимашки прервала тётя Эстер, и меня уткнуло носом в нечто более, ну... женственное. По крайней мере, не волосатое.

– Шломо! Мне кажется, шо ты таки вырос, но притом похудел? Тебя опекуны вообще кормят? Или так готовят, шо ты не хочешь кормиться сам, но не говоришь об том из вежливости?!

Говоря это, она отгиснула мне от груди, схватив за щёки и разведя их немножечко в стороны, потом в порыве чувств снова притиснула. Терплю от потерянности и немножечко от понимания, шо эта вся ерунда – от всей широкой жидовской души, которая нас – за своих!

– Милая, – прервал нежности супруги дядя Фима, – между собой мы можем, как нам удобней, но таки не забывай, шо он таки Егор, а Рувимчик – Санечка.

– Ну вот, – искренне расстроилась женщина, – мог бы и потом сказать, мне приятней думать, шо они из наших! Я мальчиков за родню уже считаю, а гоев как-то не так удобно, как не гоев! А где Миша? Миша!

Она яро и радостно замахала ему рукой, и дамский ридикюль загудел вокруг её красивой шляпки своеобразным кистенем.

– Ша! – замолчал её дядя Фима, – Он таки да, но инкогнито, контрабандой едет. Мы ево таки не видим и не слышим, ты мне поняла?

– Совсем нет, или можно немножечко поздороваться? – тётя Эстер умильно сощурила глазки, и дядя Фима, завздыхав и размякнув сердцем, разрешил супруге немножечко нарушить инкогнито. Взвизгнув радостно, она чмокнула мужа в выбритую до синевы, лоснящуюся щёку, и порысила к Мишке симпатичным женственным бегемотиком.

– А эти два молодых человека тоже да? – он обратил наконец внимание на близнецов, стоящих плечо к плечу позади mine, и улыбающихся поверх головы.

– Ага, – закивал Самуил, бая на грани инфразвука, – папа решил, шо мы таки уже взрослые, и дал направляющий пинок из родного гнезда по направлению Африки.

Дядя Фима ради воспитательного эффекта смерил их недовольным взглядом, но промолчал. Близнецы, не вполне понимая вину, на всякий случай засопели виновато и потупили глазки.

Котяра, он же Иван в крещении, виноватиться не собирался, и разглядывал этот жидовский цирк на выезде с удовольствием и интересом, как естествоиспытатель в гостях у папуасов. Опытный дядя Фима не стал передавливаться с ним глазами и волей, и перестал обращать внимание, считая то ли за багаж, то ли за мою ручную зверушку.

– Собственный выезд?! – приятно поразился я при виде богатого экипажа, сделав выразительными глазами большой комплимент Бляйшманам. Дядя Фима засопел довольно, и принялся рассказывать – где, почём и как он героически буквально за копейки!

Мы с Санькой устроились с Бляйшманами, а Мишка с Котярой и близнецами в едущем чуть позади извозчищем наёмном экипаже, потому как инкогнито и тайно. Попутно дядя Фима расспрашивал mine за политику, а тётя Эстер с коварными огоньками в глазах описывала Саньке дочку её хорошей подруги...

– ... ну то есть почти подруги, – поправилась она, чуть задумавшись, – Фимин деловой партнёр, и такой себе светский жид, шо ещё немножечко, и будет такой себе гой, на следы которого будут плеваться раввины.

– ... так, да? Так? – дядя Фима, хрюкая поминутно от смеха, расспрашивал mine об перипетиях суда, и объяснял, где они были не правы, и как mine и нам повезло, шо Трепов – всё! А главное – сам и быстро.

– ... такая умница, – описывая девочку, тётя Эстер напирала на знание ею языков и хорошее... ну как хорошее – неплохое приданое и душевные качества. Што значит – ой!

Санька вздыхал, молчал, но слушал, потому как из опыта – стоит один раз сказать невпопад да, или просто кивнуть, как ты уже дал своё согласие на што-то лично тебе ненужное, а вот собеседнику – ровно наоборот!

Встретил нас радостно скалящийся Момчил, озадачившийся и несколько даже напрягшийся при виде близнецов.

– Это с Егором, – кинул мимоходом дядя Фима, и в глазах болгарина мелькнуло облегчение, потому как – не конкуренты!

Переглядыванье это заставило меня по-новому взглянуть на близнецов, и таки да! Такие себе жлобы здоровые выросли, шо и среди одесских биндюжников по пальцам одной руки! На голову ниже Момчила и поуже в плечах, но всё впереди! Деткам по шестнадцать годков, и если судить по папеле... и мамеле... им есть куда расти. Подростки ещё, пусть даже и бреются ежедневно. В папу! И... хм, в маму.

Близнецы, будто почуяв што-то, подобрались, и принялись преданно есть меня глазами, улыбаясь во всю ширь своих квадратных морд. Ну... по результатам африканского во-яжа будем поглядеть!

Будто прочитав это на моём лице, близнецы заулыбались ещё шире и преданней.

За обедом Бляйшманы сильно расстраивались нашей спешкой и нежеланием отложить все дела ради погостить. Но я был таки непреклонен, не ведясь даже на соблазнительные предложения в виде интересных знакомств.

– Дикие места, – вздыхал дядя Фима, вытирая с жирных губ жирный соус, – никакой вам культур-мультуры, сплошные туземцы и аборигены!

– А здесь – всё! – он повёл руками с таким видом, будто

это всё располагалось непосредственно в его доме, и наверное, не так уж и не прав! – Образованные белые...

– ... в основном белые люди, – поправился он с ноткой сомнения, – не так, чтобы и Одесса, но тоже – цивилизация! А хамам? Умные люди вокруг? Кухня, наконец?

– Дядя Фима! Я где-то говорил, шо вы таки неправы?! Всё да! Но надо. А взрослый человек должен иногда наступить на горло лебединой песне, и пойти куда надо, а не через хочу!

Близнецы, не отвлекаясь на разговоры, только кивали на все аргументы, и ели, ели, ели... Гостеприимная тётя Эстер несколько нерадостно уже удивлялась такому чужому аппетиту, а дядя Фима взялся зачем-то соревноваться с ними, но куда там!

Иван давно наелся, и сидел молча, дёргая время от времени бровью на эту раблезианскую картину обжорного пиршества.

– Этим точно в Африку! – обожрато простонал хозяин дома, глядя на близнецов налитыми кровью глазками, – Будут пампасы местные обжирать!

– Саванны, – поправил Санька.

– И саванны тоже, – согласился дядя Фима одышливо.

Парни заулыбались польщено, не прекращая есть, и тётя Эстер впервые показала на лице опаску, выразившуюся в морщинке на гладком лбу.

– Да, – прогудел Товия, – в Африку. Папа сказал, шо если Егор сумел таки в нищей Палестине делать хорошие ге-

шефты и наладить бизнес, то в Африке может быть совсем интересно!

Самуил закивал, не прекращая есть, и заулыбался в мою сторону, виляя... Ан нет, показалось.

* * *

Вертясь перед зеркалом в газовом пеньюаре, Эстер Бляйшман с удовольствием разглядывала свои рубенсовские формы, принимая соблазнительные позы, представляя реакцию супруга. Чего-то решительно не хватало, и женщина пошла по привычному пути, достав шкатулки с драгоценностями.

Разложив их на туалетном столике, Эстер окинула их взглядом опытного художника, и начала привычное, но ничуть, вот ни разочка не наскучившее за много лет, священнодействие. Нанизав на пухлые руки перстни с драгоценными камнями, она медитативно примеряла ожерелья и диадемы, вонзала в густые пышные кудри гребни из золота и слоновой кости, удивительным образом оттенявшие белизну её упругой кожи и смоляные локоны.

И всё-таки... она села на креслице, стоящее перед зеркалом... чего-то не хватает! Золото, платина, слоновая кость, драгоценные камни... килограммы ювелирных украшений по меньшей мере на сотню тысяч рублей, но...

Эстер сдула упавший на лицо локон, сощурился глаза. Вот

оно! В Одессе на Молдаванке она была если не самая-самая, то сильно рядом. О, эти восхитительные взгляды подруг, полные зависти... эти пересуды о богатстве, его происхождении... как же ей этого не хватает!

А здесь, на аристократической Маалем, она такая же, как и все! Как все – скушно!

И мальчишки ещё! Накормились, переночевали, и в Африку за алмазами приключаться. А ей тута страдай!

Женщина вздохнула её раз, потом ещё...

– ... я таки понимаю, шо ничево не понимаю, – удивился Бляйшман, вернувшийся домой. Монетка? На полу ево дома? А вот ещё одна, уже серебряная! Целый ручеёк...

Мужчина насторожился было, но почти тут же увидел выложенное золотом сердечко, с указательной стрелой в сторону супружеской спальни.

– Х-хе... – пистолет исчез, как и не было, и опасный хищник стал игривым котячьим подростком, предвкушающим шалости с любимой женщиной.

– Эге... – сказал он, отворив дверь и дёргая ворот рубахи, Встав как вкопанный, он хищно раздул ноздри, жадно пожирая глазами прекрасную одалиску, лежащую на супружеской постели в окружении самого прекрасного, што есть в мире. Золота!

– Иди ко мне, мой султан! – горлицей проворковала Эстер, и Фима рыкнул утробно, как бывало в молодости...

– О султан моево сердца, – проворковала Эстер, глядя в зеркало на мужа, распластавшегося китом на огромной кровати, – мне пойдут брильянты?

– Золотце! – несколько вяло, но очень искренне ответил супруг, – Как никому другому в целом мире!

Женщина вздохнула, промолчав, как это умеют только женщины. Промолчала ещё раз, но уже иначе, с ноткой светлой грусти. Вытянув руку перед глаза, она близоруко полюбовалась перстеньком с крохотным брильянтом, всего-то на пяток карат. Вздохнула...

– Мальчики плывут сейчас на Чёрный Континент, где золото и алмазы валяются под ногами, а наивные местные дикари, даже если они и белые, не знают, как и што делать с этим богатством, – мечтательно сказала она перед сном, расчёсывая волосы. Супруг похмыкал и повернулся набок, плямкая губами.

Несколько дней Фима ходил задумчивый, замирая иногда, и будто проговаривая што-то.

– Все дела налажены, – сказал он за завтраком, – остаётся только отслеживать их пульс.

– И это таки хорошо, – с ноткой вопросительности ответила супруга.

– Да... – меланхолично согласился Фима, прикусывая пустую вилку. Сына вырос, скоро пойдут внуки... хм... Неужели – всё?

– ... и не спорь! – свирепо глядя на супругу, хмурил брови Фима Бляйшман – тот, который ещё контрабандист и немножечко флибустьер, а совсем даже не почтенный делец почти на пенсии, – Тама сейчас много решительных вооружённых людей, но я таки думаю, шо умных среди них если и да, то не в том направлении! Думать надо не об и за оружию, и тем более не оружием, а за экономику и бизнес!

Он с размаху уселся на чемодан, и тот наконец закрылся. Пыхтя и отдуваясь, мужчина с торжествующим видом затянул ремни, и выпрямился с багровым лицом и видом победителя.

– А носочки!?! – всплеснула полными руками Эстер, – Носочки-то вот они! А дерринджер? Который тебе моя мамуля на нашу годовщину дарила! Неужели забыл?

– Фима! – заломила она руки, – Как ты будешь в Африке без носочков и дерринджера!?

– Золотце! – выпрямился былой гроза Молдаванки и немножечко Одессы, – ты таки не находишь, шо это смешно – говорить за дерринджер тогда, когда у меня есть вот такое ружьё, в дуло которово можно просунуть большой палец, и ещё останется немного места?!

– Ой, да шо ты такое говоришь?! – супруга прищурилась, оперев руки в бока, и Фима таки согласился, не доводя до греха!

Проводи супруга и восемь его кофров с чемоданами на

пароход, помахав платочком и пустив слезу, Эстер вернулась домой грустная и умиротворённая.

– Фима решил, шо у мене мало брульянтов, – сообщила она со светлым вздохом встреченной соседке, – и решил таки отправиться за ними в Африку. Такой авантюрист!

Одиннадцатая глава

Застонав надсадно всем своим стареньким, изрядно про-
ржавевшим металлическим телом, пароходик накренился и
заскользил на волне вниз – резко, будто падая в пропасть, и
желудок подскочил к горлу.

– Бу-у! – пронзительно засвистел ветер в едва приоткры-
тый иллюминатор, разлетаясь по каюте холодом и солёными
брызгами.

– Бу-э! – склонился пожилой сосед-португалец над пу-
стым тазом, закреплённым у кровати. Выпучив глаза, он раз-
дувал худое лицо и жилистую шею, но желудок его давно
пуст. Спазмы сотрясают жилистое тело, и кажется, што ещё
вот-вот, и будет его рвать кусками желудка.

– Бу-э! – пример оказался заразителен, и вскоре рвало
всех моих соседей по каюте. Санька пока держится, но и он
зеленеет лицом – не столько даже от качки, сколько за ком-
панию.

«– Психосоматика» – вякнуло подсознание неуверенно, и
заткнулось. Вздохнув, я принялся ухаживать за соседями по
каюте, потому што, ну а как иначе? Не потому даже, што
ангел кротости, доброты и милосердия, а просто – сам же
буду нюхать, а то и отгирать.

Стюарды, они вроде как и должны ухаживать за пассажи-
рами, но – шторм! Есть дела поважнее, и сейчас они выпол-

няют работу палубных матросов. Ну... наверное. Капитану виднее, куда их и как.

– Воды попей, – присев рядом, уцепился одной рукой за поручень койки, сую кувшин с водой немолодому немцу-инженеру с запачканными блевотиной усами «под кайзера», – иначе при такой рвоте обезвоживание будет. Выпил...

– Бу-э!

Сдерживая клокочущий гнев на немца, судёнышко, капитана и саму ситуацию, выплеснул рвоту в иллюминатор... и чуть было не получил её обратно в морду посредством штормового порыва ветра. Повезло. Судёнышко как раз качнулось на воле, и едко пахнущее содержимое немецкого желудка украсило снаружи стену каюты, тут же смытое волной.

– Дева Мария... – тоскливо забормотал кто-то из португальцев молитву, и я совсем затосковал. Набожный народ, да ещё и страдающий... пара минут, и будет тут филиал монастыря.

Я не ошибся, и вслед за португальцем молитву подхватили вразнобой и остальные мои страдающие соседи. Португальский мешался с немецким и голландским, а молитвы католические с протестантскими, и кажется – иудейской. Хм... оказывается, этот красивый испанец – марран¹⁹, да ещё и вспомнивший в минуту опасности и страданий о вере предков? Как же интересно я живу! Вот так походя, самым краешком, но прикоснулся к чужой, и очень непростой тайне!

¹⁹ Марраны – крещёные евреи в Испании и Португалии.

Мысли об интересности моей жизни прервал очередной страдалец и необходимость вытирать рвоту с пола. Промаяхнулся, ети его...

С тоской глядя на этот рвотный молебен, и не забывая придерживаться, дабы при очередной волне не улететь в стену или кому-нибудь из страдальцев на койку, достал часы.

– О! Обед! Сань, пошли!

– Бу-э!

Санька, зеленоватый за компанию со страдальцами, а не из-за качки, выскочил за мной, на ходу надевая непромокаемый тяжёлый плащ.

– Куда! – едва успеваю поймать брата за ворот на накренившейся скользкой палубе.

– Жить надоело?! – ору в самое ухо, перекрикивая вой шторма. Санька, мертвенно-бледный от пережитого ужаса, схватился за леера обеими руками, не обращая внимания на плащ, запарусивший за его спиной и никак не спасающий от хлещущей через палубу воды.

В кают-компании только зеленоватый штурман и несколько вялых матросов, отчаянно задымливающих помещение.

– Добрый день, господа, – приветливо поздоровался я на немецком, – чем нас сегодня будут кормить?

Покосившись на меня с ненавистью, штурман поздоровался сквозь зубы, и почти тут же из камбуза вывалился измученный кок, держа в охапке разнообразную полуготовую снедь. Сыр, галеты, ветчина и почему-то – абрикосовый

джем. А! И масло!

– Вот... – сказал он со страдальческим видом, – сейчас ещё кофе...

– Безобразие, – возмутился я, отрезая на галету сыр и щедро намазывая поверх джемом, – пассажиры полуголодные! Ну никакого сервиса!

Прорычав што-то, штурман взглянул на меня так, што ещё чуть, и прожёт бы взглядом, и вылетел молча из кают-компании. Вернувшись через пару минут заметно посвежевшим и отсыревшим, он присосался к принесённому кофе, и тут же зашипел, обжётшись. Снова взгляд на меня... в этот раз-то я причём?!

– Сыру?

Покосился, но взял сыр, потом галету – что значит, опытный моряк! Понимает, што жрать – надо! Потому тошнит иль нет, а силы нужны. Ты не пассажир, и в каюте не отлежишься.

– Я шота не пойму, – прочавкал брат с набитым ртом, – почему все да, а мы нет? Мутит, но так-то не слишком, особенно когда рядышком никого не тошнит.

– Тренировки, – в отличии от нево, я сперва прожевал, запив сладченным и крепченным кофе, от которого слипались зубы, – этот, как его... вестибулярный аппарат! Мы с тобой когда на тренировках кувыркаемся, фляки делаем да на руках ходим, то вот оно и закалка!

– Иди ты! – восхитился брат, подвигая к себе банку с дже-

мом, и покосившись на остальных, ковырявшихся в еде без особого аппетита, начал трескаться прям оттуда, большой ложкой. Ну а галету – для заедки! А то жопа слипнется.

Наевшись, похлопал себя по пузу, проводив вздыхающего Саньку в каюту – к рвоте и тряпкам, а сам отправился в трюм, проведать Мишку и Котяру с близнецами, а заодно – всякой твари по паре, временно обитающих в утробе судна. Как-то оно само случилось, в Константинополе ещё, при пересадке на германский пароход, следующий в Южную Африку.

Груз... не знаю чего, но по контролируемому англами Суэцу они не пошли, и маршрут пролёг по самохудшему для моряков пути – вокруг Африки, через мыс Доброй Надежды. Ох, зря я не стал ждать и заторопил дядю Фиму... сто раз пожалел, и ведь времени на спешке ни разочка не выиграл!

То на то и вышло бы, только без самомучительства. И ладно бы сам, но Мишку и Котяру, страдающих в трюме – жалко.

Ну и там же – твари по паре, то бишь знакомые, знакомые знакомых... и нет, этих не уговаривал и не подавал пример, а просто – такие же бестолковые торопыги, как и я, встреченные в Константинополе, да прилипшие баннным листом. Особенно когда узнали, што поплыву тем же пароходом.

Каждому дай совет – што брать в путешествие, да к кому обращаться, ежели вдруг што, да могу ли они подойти ко мне, ежели вдруг што. И вот я, как путешественник опытный и бывалый, над ними вроде как старший. Сам того ни

разу не желая, не имея официальной власти, и уж точно – предпочтений!

Компания самая пёстрая: русские, греки, жида, крымский татарин, обрусевший немец, поляк, ещё один поляк, но уже как бы – из выкрестов. Цели поездки тоже самые разные, объединяет нас только маршрут прибытия – португальский город Лоренсу-Маркиш.

Нырнул в трюм, и сразу – запахи! Рвотой пахнет, сцаниной и чем похуже – не всегда успевают дойти до нужника измученные качкой люди. В трюме она ощущается если и не сильней, то уж точно – тяжелей.

Духота эта сырая, какая-то подземельная, светящиеся крысиные глазки в самых неожиданных местах, злое попискивание и вечная опаска – закреплён ли груз? Не пойдёт ли гулять по трюму при очередном взбрыке пароходика?

Иду по коридору из ящичков, и сердце при каждом их шевелении ажно к горлышку самому подскакивает. Куда там драки один против толпы! Вот где ужас!

Пробрался через едко пахнувшие химией ящички, через какие-то тюки с... а чорт его знает! Не зря германцы Африку огибают, и нет бы мне тоже подумать...

А вот и отгороженный для пассажиров участок трюма. Увы и ах, но «Анна-Мария» – пароход сугубо грузовой, берущий пассажиров только как дополнение к основному грузу, и условия – соответствующие.

Не подумал... корю себя, и знаю – долго ещё буду корить.

Самоед, ети! Но может, хоть на пользу выйдет?

– Егор, – вяло поднял руку Мишка, сидящий на расстеленном прямо на полу матрасе, на котором навзничь лежала девочка лет восьми, – пришёл?

– Да, проведать. Как вы?

– Как видишь, – усмехнулся кривовато брат, глядя ребёнка по грязной голове, – А ты, я гляжу, бодрый?

– Тренировки, – жму плечами, и почему-то неловко. Отчего? От того, што меня не укачивает? Бред... но вот неловко же!

– Вот непременно! – истово пообещал Мишка, давя спазм, – Сразу!

Шторм стих внезапно, как и не было, и только лёгкое волнение гуляло по океану. Измученные качкой люди воспряли духом. Моряки принялись приводить в порядок пароход, а пассажиры – выбираться на верхнюю палубу, и дышать, дышать...

Сокаютники мои, перестав заблёвывать каюту, оказались милейшими людьми, благодарными за недавний уход. Рекомендательные письма, требования непременно навестить, обращаться при малейших затруднениях, если мы окажемся...

Штормовые эти впечатления со временем поутихнут, и благодарность большинства из них развеется подобно утреннему туману. Но здесь и сейчас они искренни, и я записываю

адреса, беру рекомендательные письма, сам даю адрес Гиляровских.

А вдруг? Это всё-таки не Европа, а в диких сих местах пережитые совместно приключения сблизжают порой больше и быстрее, чем годы совместной учёбы!

Обогнули Капскую колонию, у берегов Наталя пережили минуты томительного волнения при встрече с британским военным кораблём, прошедшим своим путём, и вот он, Лоренсу-Маркиш, виднеется на горизонте. Кажется, будто само судно выдохнуло облегчённо – дошли!

Пассажиры спешно прихорашиваются по мере возможностей, желая показаться на берегу не распоследними вшивыми оборванцами. К душевым кабинам очереди, морская вода подаётся без лимита, и есть даже кокосовое мыло от капитанских щедрот.

Оттираю с себя качку, запахи рвоты, пережитые страхи и вертящиеся внутри головы мысли о собственной глупости. Рядом плещется Санька, в коридорчике регочут Мишка с Котярой, басовито ухают близнецы. Ждут!

Ополоснувшись довольно-таки затхлой пресной водой, выскакиваю в коридор, обмениваясь хлопками по плечам, и становлюсь вместе с Товией и Самуилом, поджидая братьев.

– Простите за нескромный вопрос, – останавливается рядом Луис-Мануэль-много-имён-марран и... да мне-то какая разница?! – в вашем роду иудеев не было?

– Нет, – вылетает у меня прежде, чем успеваю подумать, – я первый!

На берег мы сошли в числе первых, как привилегированные каютные пассажиры. Быстро пройдя весьма формально устроенную таможенную с потными, вымотанными донельзя служащими, я сразу отправился на поиски извозчика, оставив Саньку дожидаться остальных из нашей компании. К превеликой моей досаде, почти все здешние возчики только головой мотали на предложение перевезти наш багаж к железной дороге.

– Нет, масса, – потя, и отвечая ломаной на смеси английского и португальского, стоял на своём пойманный мной кофейного цвета извозчик, одетый в европейские обноски и держащийся со странной смесью раболепия и самоуважения, – никак невозможно, масса!

Вздыхая, он косился, потел, и пытался очень деликатно высвободить вожжи из моих рук.

– Да где ж это видано?! – выпалил подошедший Мишка, хмуро глядя на негра и раздражённо кривя уголок губы.

Вжав круглую голову в плечи, возчик заморгал, опасливо глядя на брата. Из довольно-таки бессвязных его объяснений стало понятно, что значительная часть здешних извозчиков, биндюжников и прочих, как бы они не назывались, ангажированы крупными компаниями для перевозки транзитных грузов в Преторию.

Оплата – более чем щедрая по здешним меркам, и он очень сочувствует массам, но вот никак...

– Масса, это не из физики? – озадачился гулким басом Самуил, дёргая просвещённого Саньку за рукав и делая умильное лицо, што для человека постороннего смотрелось гримасой маньяка. Брат начал объяснять, а я – торговаться с чернокожим, мучительно пытаюсь подобрать наиболее простые, но одновременно – красочные слова.

... сдался он на пяти франках, отчего бережливый Мишка озверел. При этом на повозке разместился только наш багаж, нам же пришлось идти пешком, потея и раздражаясь. Даже голова по сторонам толком не вертится, хотя казалось бы – Африка!

Не успели мы толком вспотеть, как к нашему возчику побежал вовсе уж голодранистый собрат, залопотав што-то очень быстро на португальском, опасно косясь в нашу сторону.

– Масса, – вспотел извозчик, пуча и без того большие, на диво выразительные коровьи глаза, – поезд... ту-ту! А потом долго-долго нет!

– Бегом! – делаю свирепое лицо и одновременно показываю нашему извозчику свежоотчеканенного петуха²⁰, и мы побежали. Подхватывая плохо закреплённую поклажу и за-

²⁰ Петух, иногда Марианна – название золотых монет Франции достоинством 20 (наполеондор) и 10 (полунаполеондор) франков. Монеты этого типа чеканились с 1898 по 1914 год.

кидывая её обратно, мы понеслись пыхтящей, отдувающейся и ругающейся толпой.

Поезд уже начал трогаться, когда мы подоспели. Ругаясь отчаянно, закинули вещи в вагоны не без помощи других пассажиров, запрыгнули сами, расплатились с извозчиком, и только потом в головах – а чего спешили-то!?

– А вдруг, – неуверенно озвучил Санька всехние мысли, пока я расплачивался с проводником, а близнецы тщетно пытались найти место для багажа и нас в переполненном вагоне третьего класса, – блокада?

На том и сошлись. Предусмотрительные, значица, а не так... дурики. Мы ж с Москвы и чуть-чуть – с Одессы! А тут два негра... нет, точно – предусмотрительные!

Двенадцатая глава

Атмосфера в вагоне накуренная, душная – несмотря на настезь открытые окна, и очень дружелюбная, хотя дружелюбие это и «с душком». Интернациональная публика пьёт, ест, поёт, разговаривает, спит и играет в карты. Обид, несмотря на тесноту и связанные с этим неудобства, никаких, ну или по крайней мере – не показывают.

То и дело по вагону проплывает очередная бутылка с аляповатой этикеткой, и желающие делают символический глоток. Иногда и не символический, за этим никто не смотрит.

Любители приложиться к халявному пойлу часто переоценивают свои силы, и вон один – лежит в захарканном проходе кверху брюхом в потёртом грязном сюртуке, застёгнутом на все пуговицы, похрапывает, обдавая окружающих перегаром и время от времени оглушительно пуская газы. Пердёж его каждый раз вызывает взрыв ругательств и веселья, и картёжники, играющие на его животе, начинают ругаться на разных языках, кидая потёртые карты на мерно вздымающийся живот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.